

Евгения Хамуляк

16+

Минута уцелевшей Вари

Евгения Ивановна Хамуляк

Минута уцелевшей Вари

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63637082

SelfPub; 2021

Аннотация

Дело происходит в захолустном подмосковном городишке, каких полным полно у подъезда к столице. Они стройными рядами «хрущовок» и однотипных улиц и площадей, а также серыми и пыльными буднями делают жителей своих городков той самой «серой массой», ненавидящей и проклинаящей себя и время, в котором им выдалось жить, особенно это касается молодых и горячих сердец, мечтающих о полетах во сне и наяву. Подобное происходит в душе одной девушки по имени Варя, которая мечтает вырваться из серых будней ненавистного ей городка в другой город, страну, а лучше даже на другой континент или планету. Но ее ждет разочарование, никаких "других" больше не осталось, ее родина с ненавистными соплеменниками и есть последний оплот человечества, которого заставили поверить в "серую реальность" и свою собственную ничтожность. Сможет ли Варя вырваться из отчаянного положения пешки в чужой игре и помочь своим родным и близким и всей планете перестать быть рабами невидимого врага?

Евгения Хамуляк

Минута уцелевшей Вари

ГЛАВА 1. ВСЕ, КАК ВСЕГДА, НАЧИНАЕТСЯ С ОТ- ЧАЯНИЯ

Варвара сидела на мягкой траве прямо у входа в зашарпанный магазинчик, на козырьке которого красовалась гордая надпись «Супермаркет», переливающаяся огоньками со старой елки. Травка вокруг еще зеленела, как напевалось в знакомом всем детском стишке, хотя на улице уже давно стояла осень. Но подмосковная желтая поэтическая пора, видимо, позабыв про дожди и слякоть, вот уже четвертую неделю баловала москвичей и подмосковичей бабьим африканским летом. Поэтому не было страшно сидеть на осенней земле и ходить в короткой майке. Все жители, конечно же, радовались такой аномалии, пожалуй, кроме бабушки Наташи, каждый раз смотрящей на экзотическое солнышко за окном и приговаривавшей, что это Господь перед апокалипсисом дарит заблудшим душам немного погреться, чтоб привыкли к адскому огню. В чем-то бабушка оказалась права...

Еще тридцать минут назад Варя, как оловянный солдатик (а бабушка всегда говаривала: как ломовая лошадь), стояла у магазинчика, ожидая свою подругу. Но, похоже, очередь за горячительными, точнее – прохладительными напитками,

которые должны были разгорячить ум в этот славный осенний день, День Города маленького подмосковного городишки, не хотела расходиться, а только удлинялась и удлинялась, заполняя помещенье, уставленное с пола до потолка стеклотитным товаром. Счастливые городские именинники все прибывали и прибывали за подкреплением, к слову, уже слегка развеселыми. И Варя даже слышала иногда крики разгневанного продавца, на которого свалилось нетерпение взбудораженной толпы, желающей побыстрее пуститься в омут, дымящий на открытой городской площади шашлыками, народными танцами, фейерверком и русскими горками. Больше всего стопорилась продажа и возникало возмущение от покупателей, кому закон, даже в такой святой праздник, не разрешал покупать желаемое. Очередь гневалась на закон и на его исполнителя, но оба они были непоколебимы. И в особо грозные минуты несчастный продавец вызывала на помощь из подсобки товароведа и по совместительству охранника и супруга, который своим двухсоткилограммовым видом внушал уважение и к закону, и к семье продавца.

Но уловки с напитками и сигаретами знали даже малолетки, правда, не у всех имелись совершеннолетние друзья, каких имела Варя, всегда отличавшаяся от сверстников какой-то взрослостью и отстраненностью, дружившая с не менее странными персонажами, которых в округе называли «ненормальными» или «чокнутыми» за свои пристра-

ствия к разным странным вещам, на деле бесполезным, чтобы стать богатым или знаменитым, а значит, счастливым. Однако это не смущало девушку, не обращающую внимания на недобрые взгляды, когда она порой снимала свой темный капюшон, из-под которого распускалась длинная русая коса, с середины отливавшая кислотным цветом, – и тут же обжигающий, раскраса воительной мапачи, огненный, а точнее, светло-карий, мандариновый взгляд с черной острой точкой посередине. Не многие хотели связываться с такими странными созданиями, от которых чего угодно можно было ожидать, и поэтому Варя и ей подобные обычно слыли изгоями, тусовались только в своих компаниях, где в почете значились какие-то технические штучки, странная музыка, непонятные книги, с названиями и назначениями, которых никто не понимал.

Вновь послышался подростковый крик в очереди, только сейчас осознавший всю строгость закона о малолетстве, и даже отчаянные аргументы о пятидесятиминутной толкотне в тесноте и в обиде не стали доказательствами права на покупку недостижимого напитка в шестнадцать лет. Вышел товаровед-амбал, но в этот раз это не помогло унять обидевшихся подростков.

Тогда в отчаяние впала сама продавец, почувствовав, что с пустыми руками хулиганы не уйдут, и посоветовала купить иного рода энергетик, который с ходу мог бы свалить на смерть любую скаковую лошадь, вскипятив ей мозг и кровь,

и, как достоинство, срок действия бурой жидкости длился в три раза дольше. По всем преимуществам более выгодная покупка!

В очереди стали охать и ахать от такого злодейства в отравлении молодняка, с довольным видом расплачивающегося и тут же, не отходя от кассы, жадно поглощающего бурую жидкость. На этом очередной инцидент был исчерпан – и каждый вновь принялся ждать своей очереди, чтобы купить медленно действующий яд согласно возрастному ограничению.

Неожиданно сбоку подъехал дорогой автомобиль, из которого выскочили, как солдатики из коробки, несколько ребят и сиганули сразу же в подсобку, минуя очередь. Начался новый скандал, правда, быстро утихший, когда увидели, как последним из джипа, не спеша, вылезает сынок самого главы области. О нем ходили разные сплетни, что парень почти не учится, все время лежит в разных больницах или разъезжает по заграницам, лечится у заморских врачей от депрессии или еще какой-то напасти... Вид у парня и в самом деле был какой-то несчастливый, но нельзя сказать, что очень уж нездоровый: руки-ноги-то находились на месте, даже весьма спортивного вида. Вот только походка и вялость в движениях наводили на мысль, что ему все время скучно или он действительно не в себе. Тяжелый невнимательный взгляд, казалось, безразличный ко всему, блуждал, не отличая предметы от живых людей.

Он медленно прошагал мимо Вари, даже не взглянув в ее сторону, вошел в магазин, оглядел примолкшую толпу, вдруг отразившуюся в его глазах серой массой, и тут же вышел, опять усаживаясь в машину, так как дружки уже начали грузить «свои покупки».

Варя заглянула в магазин, из которого валил жар, а температура накалилась до средней в Сахаре, и заметила в толпе подругу, без надежды одними губами промолвившую, что стоять еще не менее получаса.

Девушка с сожалением вздохнула и отвернулась от неприятной очереди, чтобы упереться взглядом в ненавистный город.

Сколько себя помнила, а Варя помнила себя удивительно рано, она жила в этом городишке безвылазно. Вот уже пятнадцать лет. Многие ее одноклассники ежегодно бывали на море, за границей, естественно, посещали столицу, располагавшуюся всего-то в двухстах километрах, но у Вари не имелось родственников, кроме бабушки Наташи, которые бы смогли вывезти девочку хоть куда-нибудь. И даже в Москве ее никто не ждал. А в пятнадцать лет одну ее кататься никто бы не отпустил, да и у бабули не имелось финансовой возможности на такие капризы. Самое ужасное, что те редкие выезды с классом на экскурсии – и те отменялись под разными, порой весьма уважительными предложениями: Варя обязательно заболела каким-нибудь острым респираторным заболе-

ванием, то случилось что-нибудь похуже.

Но родной город ей был ненавистен не по причине невылазного скучного пребывания, а по причине только своего существования. Для Вари он представлялся настоящим адом. И не только для Вари, стоит отметить. Он ощущался таким почти для всех его жителей. Серый, грязный, индустриальный, типичный провинциальный городок, со старыми полуразрушенными фабриками на окраине, до сих пор дымящими пылью и гарью, взявшими в свой пыльный плен всех жителей, сделав из них тоже серых, грязных, неприветливых и даже злых рабов. И только в один-единственный день в году они становились чуточку счастливее и радостнее, объединившись для празднования дня рождения, а на самом деле – дня своего рабовладения. Громко играла музыка, чтобы заглушить отчаяние в умах и сердцах заточенных горожан, дымили костры жаровен, румянились праздничные яства, на которые также сыпалась фабричная пыль, к которой все привыкли, как к родной.

И все жили как умели, веселились как могли, свыклись с этим мироустройством. И только Варя до сих пор не верила, что окружающая действительность реальна, поэтому ненавидела все в этом городе. И пусть конкретного плана в пятнадцатилетней голове еще не сформировалось, но созрела весьма обозримая цель – вырваться и навсегда покинуть этот ад, забыв все эти лица, стерев их из своей памяти, оставив догорать вместе с жаровнями в этом пыльном забы-

том богом месте.

Вот какие чувства вызывала картина бушующего в празднике города, с установленной на центральной площади огромной ярмаркой с гигантским чертовым колесом и русскими горками, с которых визжали веселые жители. И единственным способом влиться в это веселье становилось забытья, впасть в безумное беспамятство, отдаться сиюминутному куражу, пусть он дорого обойдется собственному здоровью на следующий день.

Ведь Варя знала, что мир не заканчивается только городом ее детства, хоть никогда и не покидала его пределов. О других мирах она прочитала во множестве книг, которые ей удалось найти по старым муниципальным библиотекам, еще больше других погруженных в пыль, которую раз в год смахивали работники в честь инвентаризации. А когда библиотечные резервы и анналы были читаны-перечитаны, Варя завела себе хобби – поиск и выманивание зарубежной и русской фантастики у разных знакомых и малознакомых людей, часто использовавших подобные издания в каких угодно целях, но только не для чтения.

Мир не заканчивался даже столицами тех стран, где мечтала побывать однажды Варя. Книжки поведали ей, что существуют параллельные реальности, жизнь после жизни, закоулки Вселенной, где больше не живут люди или остались жить нелюди... И все эти истории были для нее более реальными, более желанными, чем те, что предлагались в шко-

ле: с трагическими скучными повествованиями классиков, по описанию которых убогая несправедливая жизнь прошлых веков мало отличалась от той, что разворачивалась здесь и сейчас. Таким образом, к своим пятнадцати годам она прочла практически всю фантастику, когда-либо изданную или попавшуюся на глаза девушке.

Ее философские настроения в ожидании подруги вдруг разбил отчаянный крик мальчишки. Крикун восседал на мощных плечах отца, куда его только что усадила мать. Типичная семья этого городка: обкромсанные перекисью несчастные волосы мамыши, в честь праздника начесанные, словно антенны, устремившие в космос сигнал о взрыве на макаронной фабрике. Отец-здоровяк, страдающий ожирением второй степени, потерявший все волосы, а вместе с ними воспитание на какой-нибудь нервной работе. И лоснящийся от разноцветных сладостей карапуз, истерший почти все зубы в войне с кариесом. Все трое недобро между собой переговаривались: мальчик не хотел сидеть на неудобной шее отца, ерзал и собирался свалиться и заодно сломать кормильцу шею, отец пытался урезонить отпрыска и ругался на жену, почему та не взяла коляску, мать обругивала забывчивого отца, что про сломанную коляску она «пела» ему уже две недели, но тот со своей работой и вечерами, проводимыми в компании друзей, не внимал ее мольбам, вот и вышел коллапс, а девать ребенка некуда, сидеть с бабушкой малыш

отказывался.

Семья здоровяков закрыла собой весь вид на празднующий город, который уже погрузился во тьму, окончательно потонув в дыму от шашлыков. И Варя хотела бы отвернуться куда-нибудь еще, чтобы не смотреть и не слышать неприятные пререкания семейки, как вдруг нечто странное бросилось ей в глаза.

Некая тень, вполне осязаемая, метнулась сначала между фигурами, а потом неожиданно запрыгнула сзади на толстяка-отца, судя по всему, неощутимо для него, потому как громадная фигура даже не шелохнулась... и стала, как бы это выразиться? меняться в формах. Варя инстинктивно зажмурилась, не веря зримому. Но это не помогло. Тем временем тень, представляя собой сгусток черного тумана, превращалась в какого-то... гигантского паука, с длинными ужасными ногами, на которых прямо на глазах отрастали черные блестящие когти... а мохнатая башка, выплывая из тумана, воротнулась в сторону обескураженной Вари, сверкнула такими же черными шестью или восемью глазищами на уродливом лице монстра и, не увидев опасности, оскалилась, чтобы в то же мгновение вонзиться острыми, словно швейные иглы, зубами в спину жирдяя.

Варя беззвучно вскрикнула. Но ничего страшного не произошло. Здоровяк не шевельнулся, будто ничего не почувствовал, а черная тень, словно кровососущий клещ, стала с удовольствием насыщаться, набухал уродливый горб

на ужасном паучьем теле.

– Э, – пока тихонечко позвала ошарашенная Варя, не зная, к кому обратиться, к жертве или к кровососу, который так и не исчезал, хотя она уже десять раз протерла свои глаза... Как вдруг паук, неожиданно отцепившийся от спины, сглотивший черную каплю, повисшую на остром белом зубе, стал крутить башкой, чтобы лучше разглядеть, кто позвал его. И вновь произошли мутации: паучище трансформировался, превращаясь в уродливую, но вполне реальную старушечью голову на горбатой скрюченной спине.

– Ты что делаешь, карга! – вырвалось у Вари, завидевшей последние превращения. И хотя девушка до сих пор не могла поверить тому, что творилось прямо перед ней, все-таки решила вмешаться, несмотря на страх и отвращение.

– Ты кто такая?! – уже громче произнесла Варя, привставая и теряя последние капли страха перед чудищем, глаза которого, по-прежнему нечеловеческие, закрутились в разные стороны и, проморгавшись, обернулись-таки человеческими.

– Ты меня видишь? – прохрипела паучиха с головой старухи.

– А ты думаешь! А ну слезай с мужика... коза!

В этот момент толстяк обернулся на девичий крик – и с удивлением обнаружил сзади себя свирепого подростка с повисшей в воздухе рукой для удара.

– Дядь, на тебе какая-то тварюга сидела и из спины кровь

сосала, – опустила руку Варя, обнаружив, что паучья тень с головой старухи бесследно исчезла, будто ее и не бывало.

Мужик внимательно поглядел сначала на девочку, потом вокруг себя. Ребенок на шее перестал ерзать и падать и тоже осматривался по сторонам. И, не обнаружив ничего странного, две пары глаз недоверчиво уставились на девицу.

– Клянусь! – завопила Варя. – Сижу здесь, никого не трогаю, смотрю на город, тут вы орете, как потерпевшие... Вдруг вижу: у вас на спине огромный паук притаился. Ну как из фильма ужасов! И башка вот такая, – бессвязно пыталась оправдаться Варя, показывая, как и что она увидела, всеми доступными вербальными и невербальными средствами. – И зубища вот такие, а голова – как у старухи, обычной, только очень злой. Она ими впилась вам в шею и сосала, а горб, как у клеща набухал... А вы не реагировали...

– А у нее глаза такие странные? Будто бельмо на них? – профессиональным тоном следопыта стал допытываться бугай.

– Да! Да! Такие белесые. И еще родимое пятно у правого уха. И огромная бородавка на подбородке... – стала показывать Варя, припоминая детали.

– На себе не показывай, – посоветовал мужик, а потом обратился к жене: – Вот где мать твоя шляется!

Женщина лишь недовольно шмыгнула.

– А я говорил, что она кровососка! Ее и Пашка поэтому на дух не переносит! – продолжал отчитывать жену бугай.

– А вы что, думаете, она реально кровь пила? И мне не показалось? – недоверчиво схватила за руку мужчину Варя.

– Девочка, я в полиции работаю, там и не такие вампиры попадают, – уверил полицейский Варю. А потом крикнул в воздух: – Найду – убью гадину!

Воздух заскрипел, словно услышал и внял угрозам. И, помяв себе шею, мужчина поудобнее усадил успокоившегося мальчугана, в руки которого попала новая липкая гадость-сладость, и дружной троицей они, наконец, отправились в гущу праздника, оставляя ошарашенную Варю стоять и переваривать увиденное и услышанное.

Девушка позабыла и о подруге, и о ненавистном городе, из головы не уходила картинка с нечеловеческими превращениями, и она, словно ищейка, стала вглядываться в толпу прохожих, пытаясь разглядеть знакомое уродливое лицо с бельмом на глазу. Сама себя не понимая, она быстро повернула за угол и побежала к лесу. Конечно, куда еще можно было бы спрятаться чудовищу, как не в темный, мрачный ночной лес, куда только влюбленным и ненормальным в этот час хотелось бы войти и потеряться.

И почти у кромки леса Варя заметила тень, шмыгнувшую в чашу.

– А ну, стой! – крикнула девушка, начиная злиться. – Я все равно тебя запомнила! И все равно найду!

Кричала она вслед вампирше, хотя сама не понимала, зачем устроила погоню. Ведь, по сути, это могло оказаться

опасным. В книжных ужасах описывалось, какой нечеловеческой силой обладают подобные существа и что они делают с малолетними девицами, попавшими им на обед или ужин. Но Варю, выросшую в этом городке, где с детства приходилось силой доказывать право на мнение, как и других его обитателей, отличало полное пренебрежение инстинктами самосохранения.

Вбежав в лес, она сначала растерялась... но ненадолго. Ей в голову пришла дикая мысль: если старуха, теща этого полицейского, так боится показаться на глаза простой девчонке, убегает от нее, значит... Значит, ей есть чего бояться?!

– Покажись, тварюга! Я знаю, ты меня боишься! – крикнула Варя в лес, а про себя добавила: «Хоть и не знаю, почему...»

В ответ ждало молчание.

Варя стиснула зубы и повторила команду. Тишина.

– Мне что? Волшебное слово сказать? – окончательно разозлилась девушка – скорее даже на себя, чем на старую вампиршу. – А ну, встань передо мною, как лист перед травой! – выкрикнула в отчаянии Варя – и тут же отшатнулась с воплем. Из-под земли вылетели комья грязи, прямо как в сказке, и, почти вплотную, выпрыгнула паучья фигура с ошарашенным лицом бабки. Слава богу, без окровавленных иголок-зубов.

– Ну, что я говорила... как миленькая появишься, – процедила озадаченно девчонка, приходя в себя, а потом, схва-

тив отвратительную нежить за горб в лохмотьях, проорала, чтоб напугать ее: – А ну давай рассказывай, кто ты такая? И что за фигня тут творится?

– А пальчик дашь откровить – тогда расскажу, – зло прошипела ведьма, тоже входя в себя от наглости Вари, – а то ведь я из-за тебя не успела и пообедать. А твоей кровушки, даже капельки, мне на год хватит. Уж тогда и наслушаешься!

– Ты озверела, ведьма?! – оттолкнула Варя нежить в сторону и спрятала руки за спину.

– А как ты хотела? За бесплатно все секреты узнать? Это только в сказках пишут про сыр ничейный в мышеловках. А то, что ты меня видишь, – еще ничего не значит. Мало ли?! Меня вон и внук видел – а что толку!

– Нет, я тебе не верю. Ты моей воле подчиняешься... – предположила Варя.

– Так, может, ты сама ведьма проклятая. Вот дала б капельку отсосать, я б в себя пришла, обернулась, как прежде, – и поговорили бы по-человечески. За чаем. А так, – зыркнула недобро глазом с бельмом бабушка, – не буду говорить! Хоть оборись своими абракадабрами.

Варя в недоумении уставилась на нагло разлегшуюся на траве старушку с паучьими руками (или ногами?), зло и хитро посматривающую на нее снизу. И любопытство стало бороться с неприязнью, при этом Варя начисто забыла про подругу, про увеселительные планы, про тоску, что терзала ее с рождения, про отчаяние и безнадегу... С знаком-

ством (если так можно выразиться?) с паучихой, которое состоялось каких-то десять минут назад, Варю будто подменили. У нее загорелись глаза, засветилось лицо, внутри вообще извергался вулкан страстей. И она готова была не то, что капельку, голову на отсечение дать, лишь бы убедиться: все, что видится, – это правда! А происходило какое-то чародейство, про которое девушка читала только в своих любимых фантастических книгах.

Варя неуверенно протянула руку вперед, и в этот момент раздался грохот – десятки фейерверков раскрасили небо в разноцветные огни. Часы пробили полночь. Люди на площади радостно закричали «ура!» уходящему лету и несбывшимся надеждам, которые перекладывались на плечи осени и зимы.

Старуха, завидев протянутую ладонь, дрожа, с вожделением, словно собака на протянутую кость, приблизилась, глаза округлились, почернели и завертелись в разные стороны, рот разинулся в страшной скалистой пасти, выросли блестящие истекающие слюной иглы-зубы, готовые воткнуться в девичью розовую плоть.

Варя не отвернулась – она не боялась крови, и всегда, когда в больнице брали анализы, внимательно следила за процессом забора. И, приготовившись, просто затаила дыхание, стиснув зубы.

– Тебе не будет больно, девочка, я не пью кровь... я пью жизненную силу, – прошипела паучиха и воткнула свои иглы

в руку Вари.

Больно действительно не было, хотя неожиданно лес оглушил пронзительный визг, затмивший грохот салюта, человеческие голоса и громкую музыку. Страшный, пробирающий до костей, нечеловеческий стон! Но кричала не Варя. А старуха-паучиха!

Ее тело, словно ударной волной, откинуло метров на десять в сторону и продолжило нещадно трясти, словно ее поколачивали палками изнутри.

Варя же, оглушенная, с протянутой рукой, так и замерла на месте, не в силах бежать или приблизиться, лишь наблюдая за конвульсиями старухи.

Только через несколько минут, собравшись с духом, на ватных ногах она подошла к уже переставшему двигаться телу и заметила, что оно не дышит.

Не зная, то ли звать на помощь, то ли пытаться реанимировать поверженную вампиршу, которой всего лишь несколько минут назад Варя сама предлагала полакомиться собой, девушка услышала шепот:

– На помощь не зови. Не помогут. Бежать нам надо...

– Господи, что с вами произошло? – выдохнула с облегчением Варя. – Вы живы?

– Уж вряд ли после такого удара кто-нибудь живым остался бы. Хорошо, что я уже как сто пятьдесят лет мертва.

Варя лишь ошеломленно молчала, не зная, что ответить на такое заявление.

– Что стоишь как вкопанная, бери меня на руки и беги быстрее! Да хоть бы к тем гаражам, на ту сторону озера, – указала мохнатой лапой с когтями куда-то паучиха. – Да пошустрее! Сейчас прискачут твои же дружки, наденут тебе на голову корону принцессы, мозги вкрутят по самые лампочки, и уж тогда несдобровать ни тебе, ни особенно мне... сто пятьдесят лет коту под хвост! – приговаривала старуха, проворно хватаясь за девичью шею и понукая лапками. – У тебя, небось, тройка по физкультуре? Бежишь, как троечница! Вот он уж и туман сгущается, духи неуспокоенные плывут на крик мой. Беги быстреей! Не оборачивайся!

Варя, сама не зная почему, схватила старуху покрепче – и действительно рванула что было сил к гаражам. И, кстати, по физкультуре у нее была пятерка, а если бы она того захотела, то могла б и в соревнованиях участвовать и побеждать. Да некому было доказывать свои способности, Варя числилась не в отличницах, и поэтому медали ей были ни к чему. Но что-то в словах старухи встревожило настолько, что вызывало инстинктивный страх – ноги побежали так, будто сзади гнались свирепые голодные волки.

– Тебе сколько лет, красавица? – неестественно свернув голову набок, произнесла старуха, незлобно вглядываясь в лицо девушки.

– Пятнадцать... то есть уже шестнадцать, – ответила, запыхавшись, Варя, остановившись за желаемыми грязными ржавыми гаражами и глянув на догорающий салют в небе. –

Мне одиннадцатого, сегодня получается, исполняется шестнадцать...

– Так я и думала, – произнесла задумчиво старуха, по-новому, с удивлением всматриваясь в лицо девушки. – Поставь меня на землю...

– Ты обещала рассказать про все, – напомнила Варя, подозрительно следя за старухой, нашедшей на земле какие-то сухие веточки и старавшейся растереть их лапками, точно пытаешься сотворить какое-то колдовство.

– А что рассказывать? Плохи наши с тобой дела, девочка. Тебя скоро поймают и в клетку посадят, как попугайчика, а меня в порошок сотрут. И будешь ты чужие желания исполнять, воду в вино превращать, камни в золото...

Варя с удивлением уставилась на монстра и почему-то еще раз потеряла глаза.

– Какой-то вечер сегодня странный, – тяжело вздохнула Варя. – Говорила мне бабушка: не читай на ночь свои фентези. Вы это сейчас серьезно насчет клетки?

– Серьезнее не бывает... Ну, если не будешь больше всполохами зеркальными раскидываться, может, проживешь подольше на воле... Вон, видишь, там блестит, – и указала черным когтем на небо, которое стало черным и красивым. – Стань соколом... – заговорщически произнесла ведьма. – Узри купол... накрывающий нас, как паучков в банке, чтобы мы не разбежались в разные стороны. Ну?!

– Как пакетом пластиковым накрыли, да? – пыталась раз-

глядеть Варя, мысленно давая себе команду «стать соколом». Оказалось проще, чем она думала, даже слов волшебных не нужно было произносить. Просто глаза неожиданно приблизили картинку так близко, что стала различимой странная конструкция из полупрозрачного пластика, который, словно тент, и в самом деле покрывал видимое пространство.

Паучиха передернула плечом.

– Можно и так сказать. Вот твои друзья этот пакет и натянули.

– Зачем?

– Война идет, деточка. А мы вроде как заложники, кто победит – тому и достанемся. Коли наши – то... – она не стала продолжать, ибо не верила в этот вариант, – а коли не наши – то ничего не изменится. Только хуже станет.

– Ничего не пойму! Какая война? Какие наши? Про что вы говорите?! – Варя округлила глаза, а руками показывала на все вокруг: на мирное небо, на тихую заводь, в которой недавно отражалась странная картинка бегущей девицы, у которой на шее повис громадный паук...

Да, по телевизору действительно показывали про некоторые страны, где шли войны, разворачивались вооруженные конфликты, гибли заложники. Но только не здесь. Тьфу-тьфу-тьфу!

– Космические войны! Ты сказок не читала, что ли? Их даже в школе проходят... Хотя какая сейчас школа?! – скорбно

махнула мохнатой рукой паучиха. – Одно название! Я вот, помнится, первый коло еще не окончила, а знала больше, чем ваши профессора из академий. Это еще до первого потопа было. Выходили в рощицу с ребятами, садились на поляне цветущей... Тогда все цвело и благоухало, как в раю... Да это и был рай: деревья выше купола росли, с них, со священных, мы веточки себе срывали, ну как волшебные палочки, и зажигали эфиром своим внутренним, чтобы вспомнить, кем в прошлой жизни являлись, как и с кем ее прожили, ну, чтоб побыстрее в этой встретиться и лишних ошибок не наделать. Да и математику с физикой да с левитацией зачем зазря учить, когда вспомнить можно? И не только математику...

Варя вслушивалась, затаив дыхание... Про нечто такое она читала у фантастов. И все так и могло бы остаться фантастикой, если бы прямо сейчас перед ней не сидело монстроподобное существо, которому удалось-таки, что-то потеряв своими черными блестящими когтями, зажечь огонек, по типу бенгальского, от черного дымка которого паучье тело медленно превращалось в низенького роста бабулю весьма приятного вида, хоть и с горбом на спине.

– А потом случилась беда... Удар космический ось твердыни сбил, вспенились океаны, друг на друга глыбы земные пошли. Живыми-невредимыми остались только те, кто в Тартар попрятаться успел, или кто куполом города свои заслонил. Остальных потопом смыло, – горько продолжала ба-

буля. – Я тогда совсем малая была, толком ничего и не поняла, ведь похоже сделалось, будто небо упало... И наступила, как тогда говаривали, Ночь Сварога...

Обе они, не сговариваясь, посмотрели вверх, на бездонное звездное небо, и на минуточку бабуля замолчала, а Варя боялась ее перебить.

– Прошло время, даже не знаю, сколько... отсиделась в темноте, пока могла, а когда вышла из-под развалин, не узнала отчего края. Все пустыня: ни деревца, ни цветочка, ни лучика солнечного, города засыпало по крыши глиной непролазной, везде серый туман от погромов. Ад, да и только! Еще долго мы, сиротинки, развалы пытались разбирать, искать своих, да напрасно... Сгинули, будто их никогда и не было. А в один день, откуда ни возьмись, толпища чужаков прибыла: людей разномастных, разновозрастных, маленьких да больших, но одинаково обездоленных, гонимых, словно рабы... силами невидимыми. Только потом углядели мы этих..., что взглядом лишь усмирять умели, в пепел превращая любого неповиновенного... С взором колдовским, как у тебя... – хрипло проговорила старуха, тыкая в девушку старческим пальцем. Варя вспыхнула, хотела что-то переспросить, но женщина мотнула головой, чтоб ее не перебивали.

– Собрали они нас в лагеря трудовые и начали заново жизни учить... на черное – белым указывали, а белого – никогда, говорили, и не было. Вместо него серым все сделалось.

Она опустила взгляд, припоминая детали печального своего детства.

– Еще половину померло за учебу такую. Ибо магию и волшебство, что на тривиях мы познавали, свечи древесные поджигая, – запретили под страхом смерти. Стали нас водой отравленную поить, пасленую кормить, что голову беспмятной делает, а волю – рабской. Сама не знаю, как догадалась послушаться, не ела и не пила их отраву с тех пор, потому и сохранила рассудок и помню доподлинно историю. Но видела, как остальные забыли напрочь, подчинились, уверовали, что рабами рождены и рабами умрут.

Она дотронулась до своей головы, на которой волшебным образом завивались кудри, и бабушка на глазах преображалась, становясь все более и более симпатичной.

– А потом началась такая катавасия, что в учебниках ваших школьных описана: пришли белые, потом красные, потом фашисты, потом коммунисты... бесы, одним словом. Кровь человеческая и нечеловеческая, стравленная, лилась рекой, отчего последние всходы плодородных деревьев и цветов, что тепло и свет из центра земли, от солнышка настоящего, несли, – засохли и померли от боли. Большая часть планеты превратилась в бесплодную пустыню, целые города, материки без единой живой души... А тех, кто выжил, разделили на колонии и заставили пустоши елками засаживать, гробы бетонные возводить, бойни-фабрики строить. В таких условиях живым прожить разве что полвека можно...

Эх, долго рассказывать! – махнула рукой симпатичная бабуля, стряхивая с юбки последние пылинки и листики, налипшие после приключения в лесу. – Ну а после пришли к власти серые... Коим души наши бессмертные понадобились. Вот те кашу настоящую заварили! – покачала женщина головой безрадостно. – Закрыли нас в резервацию и половину неугодных вместе с шалашами да скарбом танками раздавили, на том месте курган возвели, где теперь вон те вышки громоздятся, – она указала рукой на огромные антенны: те, словно гигантские ноги и уши какого-то монстра, сторожили весь город своими локаторами, – и каждый день оттуда сигналы посылают, от чего души человеческие в отчаяние приходят: озлобляются, отчаиваются, страшатся, в ненависть к родным впадают, душат и рвут друг друга на части... Сегодня вот только в честь праздника чуток передохнуть дали. Даже в тюрьме праздники положены.

– Для чего все это делается? Почему просто не... – хотела спросить Варя.

– Душа человеческая соединена с большой душой, за нее война ведется. Кто ею владеть станет – тому вся Вселенная подчинится. Загадка только в том, что если душа маленькая узнает, что в темницу заточена, – от этого она только сильнее станет, воспрянет духом, захочет с первоначалом соединиться. Ведь поначалу многие в скиты ушли, пытаясь самостоятельно бронь пробить, или бунты поднимали против врага, когда о куполе узнали... Это понимают поработители бес-

пощадные, решили они хитро с ополчением управиться, нас в заложники взяли, морок и такую несправедливость навели, что душа сама мечтает побыстрее с телом расстаться, забывая, что бессмертная она, неугасимая. А им того только и нужно... Чем больше жертв, тем слабее другая сторона.

– Не понимаю... а где те, кто спасся? Почему на помощь нам не придут?

– Они пришли б, да мы их не зовем... Одичали до животного беспредела, потеряли ключи к небесам – не видно нас и не слышно, а значит, помощи недостойны. Отныне клеймо на нас от дикости и варварства – «условно разумные», – скривилась бабуля.

Варя недоверчиво помотала головой.

– Ну что непонятного, бестолковая?! – стала злиться горбатая собеседница на подозрение и недоверие. – У тебя собачка дома имеется, небось? Чувствую, имеется.

На такой вызов Варя принялась к себе, но ничего не почувствовала.

– Вот хочешь ты, чтоб зажила твоя собачонка счастливо? Заговорила по-человечески, дом свой обрела, друзей, работу, семью?... А теперь представь, приходишь ты к...

– Баранке, – подсказала девушка.

– Баранке, – подхватила ведьма. – И пытаешься ее образумить, грозишь ей пальчиком: не пей из лужи, не ешь падаль, не спи на полу, веди себя по-человечески... Что она тебе ответит? А ничего не ответит! Ибо неразумное, одича-

лое создание. И любой им становится, кто теряет свет души, что моралью и совестью в быту называются, а вместе с ними и человеческий вид. А значит, право на человеческую жизнь. И тогда другие за него решать станут: что ему есть-пить, где спать, с кем жить и куда свою душу девать, когда помирать соберется. А чтоб не замечталася тварюга зазря – в ад посадят и раем это место назовут, чтоб молилась на чудищ, как на богов, раз душу дьяволу за кусок свиной и водицу гнилую продала, не уразумев ловушки.

Варя быстро-быстро заморгала, пробуя вникнуть в страшное услышанное.

– Вот и вся сказочка про белого бычка, на веревочке ведомого на убой, Варя... – серьезно сказала бабушка, а потом развернулась и неспешно пошла себе.

– Вы куда? – бросилась за ней девушка. – И как узнали, как меня зовут... ой, а я ведь тоже знаю ваше имя... Радмила Игоревна...

– Я свой уговор выполнила, теперь ты в курсе, душа тебя не обманывала про ад, – остановилась-таки бабушка, удивленно услышав свое давнее-предавнее имя. – А напоследок, по-хорошему тебе советую, силы не трать, по-маленькому колдуй, а то дотронется искра до купола – беда тебе и всем нам будет. Лучше силу побереги, авось и пригодится...

– Пойдите! И вот так просто вы меня оставите? И что мне теперь делать с этой информацией? Тоже в паучиху превращаться и у малышей кровь пить? Стойте! Бабушка! Радмила

Игоревна! Кто я?

– Зерцало, – нехотя ответила ведьма.

Варя с отчаянием и мольбой всматривалась в уходящую.

– Ну, вроде феи, что ль... Исполнять желания других умеешь. Самые сокровенные, о которых они сами, может, и помыслить боятся. – Радмила Игоревна задумалась, почесав горб. – Представь, что ты вроде зеркала и все, что видишь, – это ты! – И, считая свою миссию выполненной, быстрехонько устремилась восвояси.

– Бабушка, Радмила Игоревна, ну помогите мне... вышку... ликвидировать, – жалостно пропищала обескураженная Варя вслед, хотя ведьмы в темноте уже почти не было видно. – Снимем гипноз со всех и... и спасем планету. Заживем как в Европе... или в Америке, – пролепетала девушка, еле сдерживая слезы.

– Нету никакой Америки... потопло все, – слышалось у Вари прямо в ухе.

– А ну вернитесь немедленно! – вдруг скомандовала девушка, вытирая горькие слезы. И для верности щелкнула пальцами и произнесла: – Аминь, черт побери!

И снова, будто по волшебству, старую каргу, как маленького котеночка, по воздуху воротнуло назад.

– Вот коза упертая! – ругнулась ведьма. – Говорят же тебе, ад вокруг! Что ты хочешь, чтобы я сделала?! У меня и сил-то не осталось на волшебство. Поживи с мое!

– Взорвем вышку, люди опять нормальными станут. Со-

здадим ополчение и общими усилиями победим тирана... или тиранов, – твердо начала Варя. – Заживем, как в других нормальных странах. Демократически!

– Чего? – захрипела от смеха бабушка. – Каких странах? Повторяю для несмышленных кутят: нету больше других стран! Пустыми стоят, запорошенные глиной, черепками усыпанные.

– Не верю! Вадик Сидоров в Турцию с семьей летал прошлым летом, а Альбина Горячева в Европе целый месяц английский изучала. По телевизору каждый день показывают...

– Что показывают, милая? – ехидно перебила Радмила Игоревна. – Как ихние химеры, роботы с клонами развеселыми, территории обживают и ручками тебе в экран машут... Им лампу потеплее вместо солнца повесили, море слез человеческих разлили к ногам, чтоб тебе завиднее стало... Только людей там нет. Людей, у кого душа имеется и светится, кто способен не по-собачьи существовать, довольствуясь крохами с чужого стола, чтоб в конце концов на столе том и оказаться.

Бабушка перевела дыхание.

– Разрешают особо прилежным дурачкам, кто кривду от правды отличить не может, из одной тюрьмы в другую перелететь, чтоб других дурачков мечтами пустыми подкормить... Калейдоскопы с разноцветными стеклышками в глаза им вставляют, отчего чужое ярким кажется, а свое – се-

рым мерещится. И потом они за эти яркие стеклышки мать родную продадут, лишь бы в серое не вернуться. Переходят на службу к зверям, переписывают историю, лгут безбожно, душу продают за стеклышки кривые.

– Я вас просто так не отпущу, – сурово проговорила Варя. – Соглашайтесь сотрудничать, другого выхода у вас нет.

– Ну, собьем мы эти вышки, так ведь это не поможет. В кабале родились здешние, другой жизни, окромя по телевизору, не видали. Шум-гам начнется, бойня, грабежи... Много народу погибнет только из-за сумятицы, ведь не зря из человека все эти года волка растили. Проснется зверь – и своих, и чужих покрошит... Но хуже всего другое: поналетят «твоя же подружки», глазками моргнут, и сама не заметишь, как станешь жечь и палить тех, кого сейчас спасти пытаешься. А коли даже удастся тебе проткнуть купол, знаешь, что первым делом сделаешь? Рванешь с земли этой грешной во вселенские просторы и забудешь нас, как Баранку свою.

– Какие подружки? Где их найти?.. Я попробую поговорить с ними.

– Ага, так они тебя и послушали! Они теперь, девочка, по другую сторону баррикад.

– Где их найти?

– Клуб «Гадкие феи» знаешь? Напротив Мэрии? Там ищи...

– А вы, значит, не пойдете?

Радмила Игоревна скептически скрестила руки на груди,

помолчала с минутку...

– Пойду, погляжу, как тебя сцапают... Хоть развлекусь на старости лет.

– Не сцапают! – уверенно ответила Варя, и вдруг глаза ее загорелись каким-то внутренним огнем... – Но вы мне помогите, пожалуйста.

ГЛАВА 2. БАР «ГАДКИЕ ФЕЙ»

Они с опаской вышли из гаражей, но, не заметив опасности или преследования, решили пойти напрямую через все еще бушующую от веселья площадь, желая затеряться в толпе.

И чем ближе приближались к центру праздника, тем интенсивней становился туман. Только теперь Варя стала разбирать, что туманность происходит не от дымящихся жаровен, а является скоплением... каких-то бесплотных существ.

– Так, красавица, слушай сюда, – вдруг остановила ее Радмила Игоревна и схватила за черный капюшон, надвинутый по самый нос. – Ты давай больше очами своими не моргай! Повсюду есть глаза и уши, даже у воздуха... И запрет на магию и волшебство в силе под страхом смерти. Мгновенной смерти. Без дознания. – Они осмотрелись. – Ничего не ешь, ничего не пей, а то забудешь все, что видела и узнала. А когда мимо толпы пойдешь, дотронься пальчиком до первой встречной, незаметно обратись ею. А то тебя в твои шестнадцать лет в клуб не пустят.

– А эти кто? – кивнула Варя на белых, словно одетых в простыни, духов, незамеченными ходящих по пятам за живыми, словно подслушивая их разговоры. – Привидения?

– Да, из-под купола выхода нет ни живым, ни мертвым. Вынуждены скапливаться здесь... кому-то везет – перерождаются в своих семьях, кому-то меньше – в чужих, кому совсем деваться некуда – в животных. Да только и тех и других все меньше среди нас становится. Давят нас со всех сторон! Поэтому вынуждены, несчастные, так бродить или заселяться в нелюдей... – Бабушка грустно посмотрела на ожиревших, покрасневших, очумелых, нетрезвых людей, веселящихся на последнем издыхании. И действительно, при близком рассмотрении от человека у них остались лишь руки и ноги с головой. Многие из них будто сошли с ума... так вели себя лишь безумные зомби из тех фантастических книг про ужасы из ада.

Варя прикусила губу. Всего лишь пару часов назад она ненавидела эту «серую убогую глупую массу»... Но теперь ее глаза, сердце видели причину одичания, настоящий ореол беды и отчаяния, который ощущала и она, он окружил горожан, пытающихся забыться в угаре праздника. Беда смотрела их одурманенными отупевшими взорами в поисках хоть какого-нибудь смысла существования. И они не находили, пытаясь залить, забить незаживающую рану. Нещадно обвиняли других в варварстве, разрывая себе сердце, корили себя в дикости и неразумности. Чувство вины давило мо-

гильной плитой сверху... но люди даже не догадывались, что на это дно им помогли опуститься, втянув в жестокие, лживые, недоступные пониманию игры, где проигравшими всегда оставались и будут оставаться только они сами.

– Очнись! – потрясла за руку Варю бабушка в тот момент, как девушку стало охватывать сострадание, готовое вот-вот вылиться в какое-нибудь волшебство. Один бесплотный дух даже засмотрелся на возникшее сияние, им никогда не виданное... но вдруг натолкнулся на черный взгляд паучихи, в секунду его слопавшей.

– Что вы сделали?! – обалдела Варя, не представляя, как именно расценивать происшествие. Как убийство? Но ведь привидение уже мертво?

– Говорят тебе, дурочка, нельзя! Никакого видимого волшебства! Через пятнадцать минут тут подъехала бы бригада бронированных машин в черном и на тряпочки нас порвала за твои поцелуйчики! – Радмила тащила Варю дальше, но та упиралась, разволновавшись за привидение. – Да все с ним в порядке! Нежели просто так шататься, пусть мне послужит... Ты ж не подпитала тетю ни кровиночкой! – съехидничала бабушка, уломав Варю идти дальше. А потом указала на какую-то девушку, с веселым хохотом поедавшую мороженое и одновременно посматривающую на симпатичного парня, задиристо разговаривавшего со своим товарищем, который еле стоял на ногах.

– А как?... – прочла мысли паучихи Варя.

– Дотронься до нее тихонечко, а себе «абракадабра» скажи, что ль! Раньше же получалось! – засмеялась Радмила Игоревна, припоминая сказочные команды новоиспеченной волшебницы, подчинившей себе опытную ведьму. – Это по первости, для начинающих, привороты да зелья требуются, а потом все вот здесь происходить будет, – и она дотронулась сначала до головы Вари, потом до грудины, а затем взяла обе руки девичьи, произнесла:

– Ты – зеркало. Сила в тебе хранится невиданная... Один лишь раз мне пришлось подобных тебе узреть. Не забудется такое никогда... Ну да скоро ты сама все увидишь... Шагай, революционерка. Да, смотри, без всполохов! – и решительно толкнула девчонку вперед.

Варя немного волновалась, но все прошло так, словно она проделывала это каждый день... Незаметное прикосновение – и легкий всполох, почти невидимый, тончайшим покрывалом накрыл незнакомку, подходившую по возрасту и типу для ночных дискотек, а потом перекинулся на Варю, словно окутал шелковой фатой, оседая чужим духом и телом.

Почему-то от этого ощущения вместо удовольствия засало под ложечкой и неприятный холодок пробежал по спине... Варя задумалась и поняла, в чем дело: теперь она знала о девушке все, а может быть, даже больше... Ведь странным образом, несмотря на внешнее самоуверенное поведение, приязнь к тому парню, что подшучивал над пьяным

другом, каждую минуту своей жизни Оля Верещагина боялась... боялась всего: что выглядит смешной, некрасивой, неумной, бесталанной, бедной, простоватой, неухоженной... одни «не»! И неожиданно у Вари покатилась слеза по щеке от такого ужасающего, толкающего на необдуманные поступки внутреннего страха, руководившего почти всеми действиями незнакомой души.

И несмотря на внешнее различие: Оля представляла собой пример модницы с обложки, делающий из современных девушек одинаковых изможденных гламуром платиновых барби, – внутренне обе были ужасно напуганы перспективой мрачного прозябания в этом болоте, где им придется смириться с бытностью, похоронив юношеские надежды, уносившие совершенно в другие дали...

Варя осознала, что является отражением этой девушки, знает все потайные секретки, уловки, сказки, что рассказывает Оля себе на ночь, чтоб поутру попытаться улыбнуться новому дню, хотя особого повода для этого нет.

– Зерцало... – промолвила с придыханием бабушка, заведя превращение. – Ну а теперь и мне сбавь годки, деточка. А то тебя по малолетству, а меня по старости не пустят на дискотеку... Фейсконтроль!

– Не волнуйся и, самое главное, не блести...

Варя и не волновалась, наоборот, со всеми этими приключениями в ней проснулось лишь удивительное, ранее почти неизвестное чувство: любопытство!! Яркая, безудержная тяга к приключениям, которые зазывали и, что прекрасно, затмевали переживания и страхи... Хотелось знать обо всем на свете, что думают те красивые полураздетые по новой моде девчонки, с надменным видом входящие в клуб? А что думают те стройные плечистые ребята, последовавшие за красотками? Что в голове у тех силачей в малиновых пиджаках, собирающихся разойтись по швам от рвущихся наружу мускулов?

– Не блести! – получила подзатыльник Варя от симпатичной классно одетой невысокого роста подружки, в которую на ходу, теряя по десять лет за шаг, превращалась Радмила Игоревна.

– Они ни о чем не думают... – удивленно констатировала Варя, слегка коснувшись пиджака секьюрити. – У них нет мыслей, лишь команды... – она более внимательно всмотрелась в охранников и только сейчас обнаружила какое-то неестественное сходство, будто они сделаны из одного теста, как... – Клоны.

Бабушка в виде молодки с платиновыми волосами и ярко красными губами, незаметно поддакнула и поспешила войти в бурлящий, грохочущий и только начавший жить ночной жизнью клуб. В этом омуте сверкающих зеркальных шаров, рокота металлических голосов и завываний неизвестных ин-

струментов, в толпе, больше походящей на скопление инопланетян, чем людей, трясущихся в одном, каком-то безумном ритме, легко было затеряться и волшебнику.

Радмила Игоревна уверенно направилась куда-то, при этом хорошо подыгрывая своему новому гламурному имиджу, хохоча и флиртуя с брутальными встречными-поперечными, затягивая за собой Варю, следовавшую за ней, разинув рот. Ведь раньше ей еще не доводилось вести ночную разгульную клубную жизнь, переливавшуюся шиком и блеском, где задорные мускулистые бармены разливали, поджигали, словно факиры, и на ходу протягивали разноцветные, кипящие, шипящие, словно колдовские зелья, напитки толпящимся зевакам, чтобы праздник не заканчивался еще очень долго.

Но тут она наткнулась на почерневший взгляд паучихи, делающей знак посмотреть куда-то.

Варя затаила дыхание и, не зная чего ожидать, с любопытством взглянула, куда указывала «блондинистая подруга».

У огромной залы овальной формы, по всей видимости, бывшего театра, имелась сцена, переделанная теперь в так называемую вип-зону, куда допускались лишь избранные: обычно кочевавшие из здания администрации по соседству (символично!) статусные новомодные боссы, управляющие этим адом.

Они восседали на сцене, подсвеченные золотыми прожекторами, становясь похожими на золотоглавых надменных бо-

гов олимпа, неспешно разговаривающих, покуривающих дымящие трубки и попивающих лучшие разноцветные зелья. Зрелище притягательное, каждому хотелось хоть минуточку побыть на их месте, почувствовать себя небожителями, никуда не спешащими, ничего не страшась, томно и скучно наблюдающими действительность, которую они сами творили и натворили.

Среди восседающей золотой молодежи, собравшейся у своего собственного vip-бара на сцене, окруженной десятками охранников (будто существовала опасность нападения!), Варя заметила сына главы области, так же равнодушно отрешенного, сидевшего одиноко, задумчиво глядя в бокал. А ведь ему тоже было шестнадцать. Но сынам и дочерям небожителей было доступно то, что не разрешалось детям плебеев.

В этот момент по краям сцены вспыхнул огонь и загорелись яркие факелы... послышался бой барабанов, и под оглушительные аплодисменты толпы, которая уплотнилась у края сцены, вышел здоровяк, татуированный с ног до лысой головы, с огромной рыжей бородой, похожий на злого Карабаса-Барабаса... Теперь публика взорвалась криками и даже визгами, будто при снисхождении самого Зевса.

Металлический голос в микрофон объявил, что настало время, которого ждет с трепетом каждый посетитель клуба, – это встреча с «гадкими и ужасными феями», которые не обманут своих фанатов и на этот раз станцуют свой волшебный

танец под музыку ужасного Гоблина. Карабас поклонился.

– Подходящее имечко, – заметила Радмила Игоревна.

– Я обожаю его, – вскричала соседка справа, услышавшая слова бабушки. – Я хочу его! Я люблю его! Он – бог!

Представление начиналось. За спинами тоскующей золотой молодежи распахнулась тяжелая бархатная театральная завеса, открывая музыкальный пульт диджея и гигантские настенные часы. Публика замерла. Гоблин взошел на свой рабочий пьедестал и стал отсчитывать секунды, его поддержала толпа. Кричали мужчины и женщины... и на десятый счет фейерверком вспыхнула сцена – и откуда-то из глубин по краям стали выплывать огромные, в человеческий рост, металлические клетки, в которых стояли, замерев, словно сломанные фарфоровые куклы Карабаса-Барабаса, три фигуры.

Начался ор, люди, будто обезумевшие, тянули руки к клеткам, пытались вылезти на сцену, чтобы дотронуться до кумиров, томно открывающих огромные, словно нарисованные, глаза с разноцветным ирисом. Толпу отгоняла подоспевшая армия охранников, нещадно побивая резиновыми палками особенно зарвавшихся. Варя взглянула на бабушку, и та хмуро покачала головой.

– Не поддайся магии, – одними губами прошептала она. – Будь осторожна. Это враги.

Три женские фигуры, облаченные в блестящие черные кожаные костюмы из жестоких фильмов про монстров, уты-

канные блестящими опасными шипами и иглами, с наручниками на тонких фарфоровых руках и ногах, с поводком на шее, будто у цепных псов, прихваченные намертво к железным прутьям, раскрашенные, и в самом деле, словно злобные куклы, со шрамами на лицах или дьявольскими клоунскими ухмылками, просыпались ото сна, сладко потягиваясь, не обращая внимания ни на обезумевших фанатов, ни на Гоблина, ни на жаждущую испробовать их силу свору небожителей, прильнувших к клеткам со стороны сцены.

У правой из трех на голове были заплетены розовые косы, ниспадающие по самые колени, но вместо бантиков на концах волос висели черные засохшие розы, какие кладут на могилы.

В центре стояла девушка с острой скошенной челкой синих волос и гигантским синим ирокезом. Она проснулась первой, и неестественными, переливающимися всеми цветами радуги глазами стала злобно всматриваться в публику, обнажив белые фарфоровые зубы в ухмылке капризной куклы.

У третьей, с белыми как снег волосами, схваченными в два тугих пучка, на лице красовалась спокойная, но отчего-то вводящая в ужас улыбка зомби. Она тоже проснулась и, обведя помещение расширившимся зрачками, в которых отражался весь зал с обезумевшими людишками, весело улыбнулась.

Варя и Радмила Игоревна затаили дыхание, боясь поше-

велиться от такой «ужасной гадкой красоты»...

Тем временем Гоблин ударил по клавишам, и зал взорвался какой-то невероятной красоты музыкой (слышались орган и скрипка), тут же разбитой звуками каких-то поломанных струн... Сердце то возвышалось, то глухо бросалось в пятки от таких перепадов, однако музыка удивительным образом действовала на фей. Они окончательно ожили, их рты, разрисованные так уродливо и гадко, растянулись в широких лучезарных улыбках, и, взмахнув огромными разноцветными ресницами, они принялись выдавать разнообразные па, то приседая, то вдруг взлетая и зависая в воздухе, нарушая все возможные законы физики.

Музыка руководила ими и залом, который забился в уско-ряющемся ритме, где фоном, вдали, играли свирели и пели птицы.

Зрелище было завораживающее, возникало желание приблизиться и одновременно бежать от вида монстроподобных красавиц, которые накаляли зал своими призывными танцами, улыбками, брошенными воздушными поцелуями, за которыми бросались в драку, как за ценными подарками.

В какой-то момент тонкие фигуры в черном синхронно взлетели и повисли в клетке, из их глаз заструились световые лучи, как у монстров, сканирующие пространство, в поисках чего-то или кого-то... И Варя даже догадывалась, кого... А за их тонкими, хрупкими спинами распустились разноцветные, словно голограммы, крылья бабочек... на кото-

рых распустились неземной красоты глаза какого-то существа. Живые гигантские очи, моргая голографическими ресницами, смотрели откуда-то не из этой реальности. Нельзя было отвести взгляд от такой чудесной картины.

Музыка еще раз убыстрилась, крылья дрогнули и стали источать звездную пыль...

Судя по всему, именно за этим пришли все эти жаждущие, налезая друг на друга, загребая себе блестящие снежинки, творящие настоящие чудеса. Вдохнув их, люди с блаженным видом опускались на пол, засыпали в каком-то наслаждении, совершенно не чувствовали, как их пинали и дергали обезумевшие соратники.

Варя беззвучно ахнула, на нее тоже действовала магия этих существ. Это реально были живые феи, хоть и изуродованные каким-то злым художником. И даже понятно, каким... Гоблин со страстью отдавался своей музыке, лысая голова вся покрылась испариной от резких движений.

Звездная пыль от крыльев источала аромат райских цветов, влекла окунуться в их облако, сердце Вари отзывалось на этот призыв, казавшийся каким-то знакомым, желанным. По ее лицу текли слезы от переполнявших чувств. Ведь она видела, что феи не принадлежат себе, их разум находится под каким-то воздействием, их свободу сковывали клетка и ошейник, и на лбу, как и говорила паучиха, красовались тонкие блестящие проволочки с двумя кругляшками на висках, наверное, микросхемами, делающими их еще больше

похожими на созданий не с этого света. Она хотела спасти их, успокоить, освободить, соединиться с их волшебством, подарить свое...

– Не блести... – прошипела бабушка в ухо Вари, когда почувствовала, что та готова разрыдаться от вида, возможно, последних оставшихся в живых фей. – Это не хорошие эльфы.

Варя все видела и отдавала себе отчет в том, что вытворяют танцовщицы в черном: как лучи шарят по залу, как сурово сканируют каждое лицо... Так, один из них, принадлежащий Синей Челке, задержался на ее ненастоящем облике, словно почувствовал подмену. Блуждающая улыбка синей феи тут же сменилась на озабоченную гримасу... И неизвестно, чем бы закончилась эта проверка на волшебство, если бы девушка справа не завизжала от яростного упоения звездной пылью:

– Они ангелы!

Синяя Челка отвлеклась. А Радмила Игоревна быстро утащила Варю подальше от сцены.

– Ну что, рада, голубушка, знакомству? Насладилась? Только заприметит одна из них зеркальный твой оттенок – так сразу цветочек садовый или белку лесную из тебя сварганит. А хуже всего: вон те товарищи со сцены посадят тебя в такую же клетку, разукрасят в развеселую скелетину – и станешь с ними службу нести.

– Как их используют? Они выглядят ужасно, – озабоченно спросила Варя.

– Вся их сила на хозяев уходит, на вурдалаков бездушных, коих с ада прибыло множество. Знают, поганые, что после смерти придется назад в Аид вернуться, вот и тянут волюнку... а с силой фейской можно долго на этой земле существовать. Так живительная сила бабочек тает, – вздохнула Радмила Игоревна. – В моем детстве они по лесу летали, помогали за священными рощами ухаживать, животных редких кормить, воду освящали своим порханием. И все танцевали-танцевали, отчего душа пела и возносилась высоко-высоко. Хотелось жить, любить, творить, мечтать и дорости до их уровня. Бабочки, или люди привыкли их феями, ангелами называть, – это вечные дети... Мир отныне для них – нескончаемый праздник.

– Невероятно! – произнесла Варя. – Их надо как-то освободить!

– Дурочка ты! Кордон ихний видала? – удивлялась девчачьей глупости бабушка, указывая на оцепление из почти одинаковых силачей в раздутых малиновых костюмах. – А захочешь волшебством блеснуть против них, товарки твои тебя ж первые и в пыль сотрут. Лучи белые видала? В пух и прах вмиг стирают. Ни следов, ни памяти не оставляя опосля.

– А если я сильнее окажусь?

– На своих руку поднимешь? – парировала бабушка.

– Их надо спасти... они мне помогут купол сломать, – уверенно повторила Варя.

Гигантский циферблат пробил три часа ночи, и Гоблин объявил в микрофон, что представление закончено. Музыка утихала, бабочки стали замирать, опять походя на страшных фарфоровых кукол, клетки вместе с ними стали заезжать вниз. В зале послышались тоскующие голоса, не желающие прощаться с волшебными танцовщицами. Но охранники быстро навели порядок, грубо отталкивая особо наглых фанатов от сцены.

Дискотека с ее бешеными ритмами продолжалась, бармены вновь вышли на службу, продолжая изготавливать свои искусные яды, подсвеченные разноцветными красками, для тех, кто не желал расходиться.

– Мне нужен кто-то, кто имеет доступ к ним, – указала Варя на скопление элиты, которая тоже собиралась расходиться, раз основное действие закончилось и каждый получил живительную силу.

Бабушка промолчала, не считая нужным комментировать пустые мечты.

Варя поспешила к выходу, чтобы позвонить друзьям.

– Если собралась воевать, помни, ничего не ешь, ничего не пей, не спи – иначе забудешься... Следующие волны безумия и одичания в полдень начнутся. На время дня города передышку людишкам сделали. А значит, для марш-броска у тебя не так много времени имеется, – кинула стареющая на глазах бабуля, удаляясь в неизвестном направлении.

– Когда победим, вам будет стыдно за то, что бросаете нас

в самое трудное время! – крикнула ей вслед Варя, но не стала на этот раз возвращать паучиху.

Старая карга лишь хмыкнула в ответ.

ГЛАВА 3. ЗОЛОТОЙ ОРЕЛ

Варя звонила друзьям, и хотя был поздний час, была уверена, что те не откажутся ответить на один-единственный вопрос, от которого зависела ее судьба (их, кстати, тоже): знает ли кто-нибудь из них кого-нибудь из шайки-лейки, что восседала на сцене? И после пятого звонка девушку ждала приятная новость. Один знакомый по зарубежной фантастике, наверное, видевший уже пятый сон и ответивший продолжительным зеванием, ходил в двоюродных братьях у одного такого пацана, что руководил шпаной, прислуживающей бандитам. Обычно они занимались всякими мелкими делишками, разносили слухи, следили за кем-то, бегали на побегушках. И главным среди них числился «пацан» по кличке «Орел».

Варя на своем телефоне поставила таймер на восемь часов на обратный отсчет, намереваясь, как выразилась паучиха, совершить марш-бросок по поиску этого Орла, а с его помощью выволить фей из рабства, уничтожить вышки... а дальше? План «война-мир» должен будет показать... что дальше.

И бодро – усталости, страха девушка не ощущала, а скорее, горела нетерпением побыстрее разнести к чертовой ба-

бушке этот купол, который, оказывается, шестнадцать лет наводил на нее морок, – направилась по указанному адресу, где располагался штаб «пацанов». Так между собой называла друг друга местная шпана.

И в этот светлый для города праздник пацаны бодрствовали... Дойдя до дальних заброшенных ангаров, расположенных подальше от любопытных глаз, прямо на городской свалке, судя по всему, оборудованных под бандитские нужды, девушка заметила свет. Дверь была гостеприимно распахнута, а в большом техническом помещении несколько пацанов играли в бильярд.

Варя решила действовать по ситуации, стараясь минимально прибегать к магии, как советовала сбжавшая паучи-ха, но в критической ситуации была готова скрутить крылья, а может, и шею, любой птице, лишь бы попасть туда, где прятали фей. Чего ей это будет стоить – Варя не задумывалась, поэтому тут же перешла к делу:

– Здравствуйте, пацаны, – поприветствовала она немногих собравшихся за столом игроков, по возрасту примерно равных ей, предусмотрительно закрывая за собой дверь.

Ребята ошарашенно повернулись, никак не ожидая увидеть незнакомую... девчонку! В этот ангар заходили только «свои», и среди них никогда не было девочек. Сестрам и подружкам сюда категорически запрещалось соваться, так как порой творились не самые законные делишки.

– Как мне найти Орленка? – начала Варя, подсчитав жи-

вых и осматриваясь на предмет духов, как стало понятным, имеющих свои глаза и уши.

Но в этом заброшенном месте, кроме обычных подростков, ощетилившихся, словно злые волчата, ничего потустороннего или странного, кроме, пожалуй, парочки танков ушедшей военной эпохи, не наблюдалось.

– Мне нужен Орленок, – повторила Варя, потому что так и не получила ответа. Но в этот раз закинула удочку с хитрой наживкой: – Потому что у меня есть то, что он ищет.

– У тебя есть золото, подруга? – весело заговорил парень в шлеме советского танкиста, выходя откуда-то из потайных комнат ангара.

– Именно! – кивнула Варя, разглядывая симпатичного румяного пацана с веселой улыбкой, зачем-то напялившего военную шапку. – Ты, Орленок?

– Орел. Золотой орел! – задорно поправил Орел незнакомку, и все расхохотались понятной только им шутке. – Я бумажкам не верю. А вот золото ценно всегда и на него можно многое обменять.

– Есть у меня к тебе дело, Золотой Орел, на целый пуд золота, – поддержала задорный тон Варя, делая несколько шагов вперед, чтобы быть поближе к предмету своего интереса. Бригада волков слегка напряглась от такой самоуверенности.

– Пацанам тоже хватит, – успокоила их Варя. – Но нужно с глазу на глаз переговорить, а то лишние уши могут мешать. – И Варя сняла капюшон с волос, распустила свои кис-

лотные волосы по плечам, поднимая руки вверх и крутясь вокруг себя, показывая, что пришла с миром, без оружия.

Не теряя улыбки, Орел дал команду обыскать незнакомку, и когда формальности были улажены, отпустил ребят погулять, оставшись наедине, но на уважительном расстоянии.

Варя строго поглядела парню в глаза, вкладывая небольшую, почти невидимую искру волшебства, и медленно произнесла:

– Надо, чтобы ты помог мне вытащить гадких фей из клуба.

Орел внимательно выслушал, поведя удивленно бровью, и некоторое время стоял без движения, видимо, переваривая сказанное.

– Ты хочешь, чтоб я помог украсть девчонок, что танцуют в клубе «Гадкие феи»? – удивился парень.

– Именно! – подтвердила Варя и протянула руку для пожатия. – За это я подарю тебе слиток золота.

– А он у тебя есть? – хитро проговорил пацан, еще шире улыбаясь своей белозубой улыбкой, при этом все же не подавая руки.

– Ну конечно. Возьми его, – посмотрела Варя на свою руку, сжимающую что-то в кулачке.

Парень с недоверием приблизился и взял-таки то, что предлагала странная девчонка с кислотными волосами. Это и в самом деле оказался настоящий слиток золота. Орел мог распознать его по блеску, весу, плотности и рисунку,

но на всякий случай попробовал на зубок.

– Настоящий... – произнес он изумленно, перекладывая слиток из руки в руку.

– Конечно, – подтвердила Варя, – еще пять-шесть таких самородков, и ты сможешь рвануть куда угодно, хоть в Силиконовую долину, хоть в Каучуковую, а можешь тупо торчать в дайверах на Гаити... Красное море также чудесно для погружений, – читала Варя заветные мечты Орлова Андрея, который с каждым мигом становился все понятнее и роднее для нее.

– Таити, – поправил он волшебницу и, подняв глаза от самородка, серьезно и с опаской уставился в полный решимости взгляд, переливающийся стальным зеркальным блеском, в котором теперь прочел приказ.

– Я сделаю то, что ты просишь, – сказал он. – Ты ведь не обманешь?

Варя обернулась, чтобы еще раз проверить, что никто за ними не наблюдает, и второй раз дотронулась до руки парня, которая на глазах стала покрываться золотой коркой, превращаясь в золотое изваяние.

– Если хочешь, я сделаю из тебя настоящего золотого орла, – проговорила она, видя, как парень бледнеет и вот-вот заорет от ужаса.

– Что за фигня... – просипел он, отшатываясь.

– Нет у меня времени, Андрюха, тебе мозги пудрить. Знаю, что ты пацан верный, и желание мне твое знакомое –

рвануть с этого чертова болота подальше. Только нет там Таити с Гаитями... Мы их здесь сделать должны. И ты мне в этом поможешь...

Андрей сглотнул горькую трусливую слюну и стал смешно хлопать глазами, словно у него тик.

– Как пробраться в клуб? Мне надо сегодня! Сейчас! Мозгуй!

– Дискач в четыре заканчивается, в пять кассу снимают, пока все заняты, можно с черного хода зайти... Меня охранники знают, я иногда на сходки общие хожу, – быстро заговорил он, еще раз проморгавшись, завидя, как оттаивает рука от золотого плена. – Но в комнату, где танцовщиц содержат, мне соваться нельзя. Могу провести лишь до двери. Дальше сама со своими фокусами справишься.

Варя верила парню, но чувствовала, что стоит ослабить хватку, он запаникует и, чего доброго, драпанет. Можно было бы, конечно, заколдовать его, как зомби... но неясны были последствия, да еще и охранники могли бы заподозрить что-то странное. А охранники, помнится, там не простые... Одинаковые с лица и заточенные на одни команды.

– Возьми, Андрей, свою плату сейчас, – и Варя собрала с бильярдного стола пять шаров, вложила в руки пацану, и они на глазах стали плавиться в золотые блестящие. От такого чуда Орел забылся, обомлел, разинув свой мальчишечий рот, и с восхищением уставился на незнакомку, теряя страх перед ней.

– То есть вам вообще не проблема любой предмет в золото превратить? – перешел на уважительное «вы» Орел, хотя они с Варей были одногодки.

– Феи могут еще большее... – намекнула Варя.

– Так вот зачем они их в клетки сажают... Ты тоже, что ль, фея? Сбежала? – Орел быстро складывал тяжелые золотые шары в рюкзак, собираясь в дорогу.

– Тип того, – удовлетворенно кивнула Варя, видя приготовления. – Пойдем одни. Парням слепи какую-нибудь отмазку. И еще, захвати с собой плоскогубцы и ножик... Острый ножик!

Он кивнул, явно отдав первенство в командовании Вале, которой очень понравилось, как быстро она управилась с золотой пташкой, почти не прибегая к магии. И пока следила за Андреем, внутренне настраивалась на марш-бросок... ведь, удивительным образом, все шло как по маслу, гладко. Это походило на ловушку – или в самом деле пришло время для противостояния.

Во время дороги Орленок с тяжеленным рюкзаком за спортивными юношескими плечами, в котором перекатывались золотые шары, пытался расспрашивать Варю про всякое-разное, но получил два суровых отказа. Нельзя было доверять никому, даже у воздуха имелись уши. И Варя после операции с феями вообще намеревалась стереть парню па-

мять, чтоб спал по ночам спокойно и продолжал видеть свой райский Таити.

Наконец, почти у самого входа в клуб, Варя незаметно коснулась его, подкрепляя намерение помогать, и неуверенно произнесла команду:

– Что бы ни случилось, будь на нашей стороне... – не зная, к чему готовиться, на всякий случай надела на себя образ Оли Верещагиной. Орел поддакнул, в его глазах осветился легкий всполох невидимого покрывала... он видел только Варю.

– Привет, Орел! – поздоровались охранники, но остановили парочку.

– Привет, мужики! – подмигнул пацан. – Лося мне надо увидеть. Дело есть, – и достал из рюкзака один золотой шар.

Двое из ларца одинаковых с лица будто услышали нужный пароль и одновременно расступились, пропуская...

– Девчонка со мной! Она наводчица... – бросил парень, быстро прошмыгнув в двери.

Варя хитро улыбнулась, подыгрывая роли наводчицы, которая, судя по профессии, должна была иметь хитрое выражение лица и гламурный вид Оли Верещагиной. И тоже быстренько просочилась вовнутрь.

Андрей оказался прав, клуб был пустой, горел только свет в бухгалтерской, где шли подсчеты прибыли. Терять времени было нельзя, и они тихонько спустились в подвал, как раз под сценой. Там стояли еще двое из ларца, вид у них был

более серьезный, чем у тех, что снаружи. На поясах висели тяжелые кожаные кобуры. И вместо веселых малиновых костюмчиков охрана носила серьезные кожаные пиджаки, под которыми, наверное, можно было найти еще чего-нибудь интересненькое.

– Тут ты сама должна... – шепнул парень. – Мой код доступа сюда не подходит, – и протянул ей мешок с инструментами, ножом и плоскогубцами.

Варя внутренне собралась и почти решила на то, чтобы применить магию, превратить кожанок... да хоть бы в молодых бычков, из которых выделялись эти пиджачки.

Как вдруг кто-то тихо в ухо прошептал:

– Глупая ты, Оля Верещагина! Зачем магию тратить, когда есть другие средства? – и воздух стал наполняться какой-то зеленой пылью, подгоняемой невидимым ветром в сторону бравой охраны.

– Я знала, что вы нас не бросите, – прошептала Варя, чувствуя присутствие Радмилы Игоревны, прошедшей незаметно вместе с ними.

– Пацану пока ничего не говори, заорет – разбудит сменный дозор.

Варя кивнула и, завидев, как двое мускулистых замирают, словно замороженные карпы, хотела двинуться вперед.

– Подожди, – отодвинул ее в сторону Орленок, – камеры! – и, достав фонарик-брелок с ультракрасным светом, стал намеренно светить в линзы.

– Засечь – засекут, но позже, когда спохватятся... – сказал он и толкнул девушку вперед, продолжая создавать помехи.

Варя быстро пробежала мимо застывшей охраны, опьяненной какой-то дурман-травой, слышала, как за ней следует невидимкой паучиха, и вместе они вошли в небольшую комнату, где, словно в сказке, из потолка торчали металлические цепи, на которых висели три хрустальных гроба со спавшими сладким фейским сном девушками. Они уже были переодеты в легкие футболки и юбочки, наподобие спортивных теннисных, с лиц стерты дурацкие ухмылки и макияж, и необыкновенная красота и белизна кожи завораживали своей идеальностью... Но волосы дыбом вставали от вида торчащих из тонких рук трубочек, капельниц, подключенных к каким-то сложным помигивающим приборам.

Совершенно не было времени на расчувствование и розовые сопли, хотя картина представилась какая-то жуткая, из злой сказки, где мучали фей... Радмила Игоревна материализовалась в пространстве и со вспыхнувшим гневным взглядом скомандовала:

– Действуй, девочка! Делай то, за чем пришла, – а сама отправилась шарить по комнате, что-то наговаривать на углы и на потолок.

Варя подошла к фее с синим ирокезом, во сне казавшейся такой милой спящей красавицей, хоть и с дьявольской прической, и, достав припасенные плоскогубцы, аккуратно перекусила золотой прут, который, как оказалось, не являл-

ся обычным украшением, а был вживлен девушке в голову. Варя отшатнулась от вида алой крови, тонко заструившейся из виска...

– Надо быстрее, – зашипел подскочивший парень, все-таки решивший не оставлять золотонесущую Варю в ее деле. И быстро стал отлеплять иглы от вен синей феи и других. Пока Варя наблюдала за тем, как девушка стала помаргивать, будто просыпаясь, Орел аккуратно отщеплял короны от голов двух других спящих красавиц, чертыхаясь на тонкие струйки крови, потекшие по белым и розовым ангельским волосам.

Бабуля, закончившая свои колдовские манипуляции, скрытно подошла сзади, и Андрей вскрикнул от неожиданности и совсем недоброго вида старой горбуны. Но она закрыла ему рот рукой, зловеще покрывавшейся черной шерстью паука. Парень поднял руки вверх в знак смирения перед черной магией. И втроем, затаив дыхание, они стали ждать пробуждения фей.

ГЛАВА 4. ТАФИРА. АРТЕНАРА. МЕЛЕНАРА

Бабушка вся сжалась, когда синяя фея, сладко потянувшись, распахнула свои разноцветные глаза и ошеломленно застыла, не узнавая места, где находится: странное серое помещение с искусственным светом, хрустальными гробами и мигающими диковинными машинками. Она дотронулась до виска, обнаружив кровь... и тихонечко вскрикнула! Дру-

гие тоже огляделись – и неожиданно схватились за носики, нещадно жалуясь на страшную вонь. А увидев испуганную троицу в углу, феи переглянулись и насторожились, не зная, как реагировать на незнакомцев.

– Девушки, – начала Варя, видя, как разгораются разноцветным огнем огромные, будто нарисованные глаза. – Мы – друзья! Пришли вас спасти. Но надо уходить, иначе через пару минут сюда ворвутся люди с пистолетами и...

– Здравствуй, Зерцало, – радостно проговорила звонким детским, даже кукольным, голоском синяя фея с ирокезом, забывая про неприятное пробуждение. – Я – Тафира, – и, как ни в чем не бывало, послала Варю воздушный поцелуй в виде голубого облачка, которое приблизилось и осело на руке Вари.

– Я Артенара, – пропела розовые косички, дотрагиваясь до сердца.

– Я Меленара, – склонила белую ангельскую головку с калачиками третья.

– Варя... Варвара.

Бабушка отпустила присмирившего парня, чтоб тот мог представиться:

– Орел... то есть Андрей. Орлов. Александрович.

– Какие нерадостные и неразумные имена, – удивилась фея с белыми калачиками, отцепляя последние катетеры от руки. – Как же вы с ними летаете? И почему здесь так плохо пахнет? Где мы? Где лес?

– Вложи в облачко послание о том, что помнишь, и отошли назад... Так быстрее будет, чем рассказывать сызнова. Феи общаются на другом языке, – посоветовала из-за спины бабушка, решив таким образом убыстрить процесс знакомства.

– Мы не феи, – будто услышав ее слова, произнесла-пропела Меленара, – мы бабочки...

На раздумья времени не было, и Варя какими-то общими картинками, сама плохо понимая, что с ней произошло этой ночью, поцеловала облачко, вложив туда все, что помнила, и отослала его назад.

Воздушное послание вернулось к хозяйке и мгновенно растворилось на ладошке, и в ту же минуту глаза бабочек-фей засветились тем белым опасным светом, что все видели в ночном клубе. Вылетев из своих хрустальных лож, на ходу делая какие-то пассы руками, они вдруг упали на пол, словно обессиленные...

– Не надо! – приказала бабушка, видя, как нахмурились ангельские лица, готовые сотворить какое-нибудь волшебство в порыве гнева. – Бежать нужно, – и, шустро подхватив под руки одну из них, двинулась к двери. Варя по примеру схватила под локоть фею с белыми калачиками на голове, Орленок нерешительно приблизился к синему ирокезу, все еще светившейся белым испепеляющим светом.

– Извините, – и аккуратно, словно самый ценный груз на свете, взял волшебное существо, весившее словно пушин-

ка, на руки.

– Сейчас, когда выйдем из помещения, представь, что находишься в мыльном пузыре, который никто не видит... Вместе с нами представь! – уточнила паучиха, чей черный взгляд заблестел. – Я раскидала временные завихрени, может, и не хватятся до утра...

Варя вздохнула и представила свое детство, где любимым занятием было надувать мыльные пузыри из шампуня мамы... которая ушла так рано... делать с папой... пока тот не оставил дочку... капитошки и кидать их с балкона... Варя почувствовала, что ее тело наполняется какой-то силой от воспоминаний, которые представлялись совсем в другом свете, ведь теперь вся история перевернулась с ног на голову. Судьбы людей не принадлежали им самим, а находились в чужих властных, коварных, безжалостных руках... Неизвестно, какой морок насылался на ее маму, папу, отчего они своими собственными руками разрушили свое счастье?!

Варя поняла, что начала злиться, и это стало спусковым механизмом, подключающим ее непознанные силы.

В коридоре, по которому они двигались с обессиленными феями, вдруг все засветилось, словно откуда-то проникло яркое солнце, отражаясь во всем, что встречается на пути. Так, наверное, чувствуют себя люди, попавшие внутрь разноцветного мыльного пузыря, переливающегося всеми цветами радуги.

– Не переусердствуй... – памятовала бабушка. И, перед

тем как выйти в зал, все затаили дыхание. Однако по-прежнему, на удачу или на бабушкины временные завихрени, никто не встретился, стояли пустыми металлические клетки, на которые с удивлением стали засматриваться бывшие танцовщицы-монстры...

Синяя протянула вперед руку, желая дотянуться до своей клетки, вспоминая нечто. Но бабушка одернула ее, приложив палец к губам. Синие глаза заморгали пушистыми разноцветными ресницами в знак согласия повиноваться. Наконец, последний рубеж – охранники, сквозь которых они прошли, словно мыши, казалось, не почувствовали ничего, так увлекшись обсуждением влияния куриного мяса на мускулы и сил и мощи бобовых в вопросе эластичности кожи.

Забежав за угол, все с облегчением выдохнули, и Орел предложил бежать в дальний ангар, что находился у мусорной горы, где и нашла его Варя.

– Ты можешь быть свободен, Андрей, – проговорила девушка, снимая покрывало образа Оли Верещагиной под восхищенными взглядами фей, – твоя задача выполнена, плату ты получил. Дальше мы сами.

– Что ж вы думаете, после того, что я там увидел, смогу теперь спокойно спать? Это ж совсем другое теперь, – взбуждено начал Орел. – Получается, сказки – это не сказки?!.. Волшебство, Дед Мороз, феи, то есть бабочки... – не выдумка? Нет, вы так просто от меня не отделаетесь!

Феи с улыбкой смотрели на пацана, он заметил их взгляды

и немного смутился от своих слов про Деда Мороза.

– И хоть я не волшебник, как вы... Вижу, плана у вас нормального нет. А без этого вам никак не... Кстати, а что вы собрались делать? – с этими словами он подхватил свою волшебную ношу на руки и устремился туда, куда звал остальных.

Варя и Радмила Игоревна переглянулись и, поняв, что парень прав, побежали за ним, подтягивая пришедших в себя фей, которые то и дело зажимали носы и закатывали глаза в ужасе от своего состояния, причесок и одежды, то и дело охали и ахали на непонятную пробегающую мимо природу, архитектуру, серые спящие постройки, ржавые гигантские ангары, расположенные прямо на городской мусорке...

В ангаре горел свет, но уже никто не играл в бильярд; двое пацанов сидели в кожаных креслах, видимо, притащенных с помойки неподалеку, и дремали. Завидев главаря и компашку с ранеными танцовщицами из клуба, оба встрепенулись и уставились на Орла для объяснений.

– Парни, быстрее! Закрывайте ворота! – крикнул вбегающий Андрей, аккуратно сажая на бильярд растроганную таким бережным отношением волшебную девушку и пряча сумку с золотом в старый советский сейф. – Зовите всех наших! Код три единицы! Нападение врага! Все боекомплекты в танки! – строго приказал он, видимо, давая понять прия-

телям, что ситуация критическая.

– Есть, Орлуха! – крикнули пацаны, отдали честь и скрылись в разных направлениях.

– Ну что, давайте выкладывайте, – начал он, подходя ближе к запыхавшимся новым друзьям. – Только мне по-русски все объясните, я поцелованные облачка разгадывать не умею.

Все обернулись на Варю, которая собиралась с духом, чтобы выложить свой план.

– На детальный рассказ времени нет, – строго начала она и обратилась к феям. – Мы под куполом, связь с внешним миром утеряна. Любая магия находится под запретом... и грозит катастрофой, – продолжала она, переглядываясь с бабушкой, чтоб та объяснила лучше, как очевидица событий.

– Случилось это в тот год, когда Ночь Сварога предсказывали, но никто не знал, чем обернется, хоть и готовили скиты... Похоже было на то, что небо на землю упало. Погибли люди, рощи священные, животные волшебные, бабочки... почти все. – Феи вздрогнули и тихо заплакали, узрев то, о чем рассказывала Радмила. – С тех пор над городом купол зеркальный разверзнут, и никто его стронуть не может. Много людей пыталось, последний раз в сороковых годах: древлеправославные, что в скитах скрывались, восстание подняли против нечисти. Да все зря... Этих, что древние знания умели использовать и могли на природу воздействовать, вы

испепелили дотла, а обычных людей, к ним примкнувших, магия купола погубила. Целый год лютая зима злобствовала, треть населения замерзла от холода и голода. Потом все на фашистов и на репрессии списали, – дополняла бабушка. – И опять оккупация и гнет начались... пока не сломили людишек, лишили сначала памяти, потом рода и опустили до скотского состояния.

– Сколько мы спали? – удрученно спросила Тафира.

– Сто пятьдесят лет, – констатировала бабушка.

– Я не понял, – уточнил озадаченный парень. – Нас инопланетяне захватили? Что значит, город захвачен? Кем?

– Город, а может, большая часть планеты, – Варя глянула на бабулю, – захвачены в заложники невидимыми силами, и... жители нам не друзья, по крайней мере, пока не будут уничтожены те вышки, что находятся на мусорной горе.

– А что там? – Орел подошел к стене и нажал какие-то кнопки, часть стены раздвинулась, открывая ракурс на огромный холм, снизу усыпанный мусором, а наверху – с гигантскими локаторами.

– Если я правильно понимаю, антенны испускают особые волны, и мы сходим с ума, совершаем действия, направленные против нас же самих, подавляется воля, разум. И когда требуется врагу, нас стравливают друг с другом, а при этом сам он остается невидимым и невредимым.

– Варя, ты зеркало, ты можешь разрушить купол, – с уверенностью проговорила Артенара. – Купола ставят зеркала,

и зеркала их снимают.

Варя задумалась, уставившись на руки.

– Не знаю, что вы помните, но мир теперь другой... Все стало другим. И зеркала теперь не те... Я не знаю, смогу ли разрушить то, что не понимаю... Я не училась в ваших школах, ничего не знаю про магию и волшебство, у меня нет волшебной палочки, я кроме «абрыкадабры» да «аминь» больше ничего не знаю...

Девушки не ответили, но, несмотря на слабость, слезли с бильярдного стола, взялись за руки и позвали присоединиться к ним Варю.

– Ты все равно будешь ты, даже если не знаешь, кем являешься на самом деле. А теперь просто повторяй за нами, – попросила Меленара. И, сложив пальцы определенным образом, – Варя вспомнила, это называлось «мудры» в индийской мифологии, – наклонилась вперед под определенным углом, выставляя руки вверх, будто тянулась к солнцу. За окном занимался рассвет, и солнце находилось в другом месте. Но Варя вспомнила слова бабушки, что под куполом висит не настоящее светило. И это, наверное, знали или чувствовали бабочки.

Две остальные последовали ее примеру и ждали, когда за ними повторит Варя.

– Иди, Андрюха, ты тоже можешь посмотреть, что случилось с твоим миром... – сказала бабушка парню и, склонившись в ту же позу, вошла в другой мир, где еще остались следы

былого величия рая на Земле.

Орел обомлел, когда сначала руки бабули, потом голова, потом все тело стали пропадать в пространстве, будто та нырнула в какую-то невидимую дверь. А взглянув на фей, или бабочек, фиг знает, чем они отличаются, он увидел, как те тоже растворяются в пространстве.

И, не растерявшись, быстро сложив пальцы в фиги, как показывала Меленара, парень наклонился в неудобную позу и... был втащен Радмилой Игоревной куда-то, где все светилось и переливалось...

ГЛАВА 5. ЭФИРНЫЙ МИР

Но Андрей сначала увидел свой дорогой ангар, бильярдный стол, сейф, где хранились золотые шары, танки сзади шкафов, которые почему-то слегка вибрировали и расплывались, как ненастоящие... А чем больше разглядывал, куда попал, тем более прозрачными они становились. Новые друзья тем временем, словно не видя стен, продвигались куда-то вперед, прямо в радугу, которая распростерлась через помещение, окрашивая все то зеленым, то синим, то желтым, как будто кто-то разноцветным прожектором светил прямо в глаза... Андрей знал, что это оптический эффект, в радугу пройти нельзя, именно поэтому малолеток кормят несбыточными приманками. Мол, кто в радугу пройдет – тот счастливым станет, и сбудется самая заветная его мечта. Но все равно пошел за своими новыми друзьями, рукой

закрывая лицо от яркого разноцветья, а когда смог открыть глаза, то ахнул от восхищения:

– Таити, – шепотом произнес парень. – Это же Таити!

Гигантские деревья, какие растут в далеких теплых экзотических странах, уползли в облака, и, было видно, не заканчивались и там. На них огромными разноцветными пятнами росли какие-то неизвестные цветы, фрукты или овощи... Некоторые плоды были такими странными, что нельзя было однозначно отнести их ни к овощам, ни к фруктам... Неожиданно над головой пролетела пара попугаев, парень слышал их пронзительные крики и вынужден был отскочить в сторону, потому что от птиц разносились в разные стороны огненные всполохи. Настоящие! Орел почувствовал запах паленых волос. Его волос!

– Жар-птицы?! – сам себе под нос пораженно проговорил Андрей. – Вот те и сказки!

Присмотревшись к пушистой траве, которая доставала ему до колен, он обнаружил в ней каких-то копошащихся покрытых странной шерстью животных, размером с кошку, но с рогами и крыльями... И, приглядевшись, отшатнулся: это были насекомые! Только гигантские насекомые, которых он нещадно давил каждый день по дороге в ангар. А тут они выглядели вполне симпатично и даже мило, с пушистым ворсом и добрыми глазищами, всеми десятью...

Андрей так и крутил башкой, все охая и ахая, замечая какие-то невообразимые чудеса... Когда вдруг понял, что тра-

ва, по которой идет, – это не трава, а мох; деревья – не деревья, а цветы; большие из них – кустарники; а вот та огромная гора – вовсе не гора... на которой только что стояли локаторы и антенны, исчезнувшие, словно мираж, а это ствол... проявляющегося на глазах колоссального дерева... который загоразживал небо. Лучезарное, бездонное, зовущее в свои дали, где плавали планеты, пролетали метеориты, сыпались плеяды звезд... и летали острова с воздушными замками. У него закружилась голова, и, оглянувшись на взмывших в воздух исцелившихся фей, он, наконец, понял, почему они назывались бабочками. В соотношении со всем увиденным в этом фантастическом фильме или сне, который снился Орлу прямо сейчас, девчонки с крыльями и в самом деле выглядели, как малюсенькие бабочки, порхающие с цветка на цветок.

– Это фантомы, сохранившиеся в эфирном пространстве... – сказала Тафира, расправив свои волшебные крылья, которые преобразились в этой реальности и за миг домчали ее до офонаревшего Андрея. – Все умерло в том мире, но наши образы, мечты, воспоминания не менее реальны, а значит, так же сильны. И живы! – И на ее крыльях раскрылись разноцветные глаза, заморгавшие волшебными ресницами, очень хорошо вписывающиеся в местную флору и фауну, переливающуюся и благоухающую как в раю. Глаза помаргивали и стали источать вихри звездных пылинок, подхватившие восторженного парня, словно маленького мальчишку, унося

вверх и в стороны.

– Я тоже умею летать! – кричал он, как дурачок. – Я тоже бабочка!

Варя с Радмилой Игоревной с улыбкой, забыв обо всем, устали на волшебное действие, танец бабочек, который в клубе выглядел совсем иначе... Их удивительные па восхищали, ободряли, возвышали, придавали надежду, что можно восстановить рай на земле.

– Зеркалу не нужно вспоминать, кто оно. Достаточно посмотреть в зеркало, – проговорила Артенара, распуская розовые волосы, словно живые, складывающиеся в причудливые прически.

– Зеркалу нужно действовать! – изрекла Тафира, и ее синий ирокез распался на красивые синие локоны. Бабочки, только увидев свой, пусть и разрушенный, мир, обретали прежнюю красоту, а с ней силу на восстановление.

– И в действии оно познает себя и отразит мир таким, какой он есть на самом деле. Бесконечно прекрасный... – заморгала Меленара, и из ее разноцветных глаз выпали несколько слезинок, упавших в траву огромными самоцветами.

– Мы, бабочки – порождение леса, созданного богиней БА и ее супругом твердым богом ДА, чтобы приводить в гармонию все, чего касается наше естество, – они опустились на землю, раскрывая эфирное пространство, вновь в зем-

ное, – и клянемся! Кому-то не сойдет с рук эта чудовищная подлость!

– Нужно взорвать вышки, освободить людей от морока, – повторила бабушка. – Потом Варя попробует разбить зеркальный купол. Если это получится, вы снова подключитесь к свету и своим прародителям и спасете разрушенный рай. И нас.

Все стояли молча, обдумывая сказанное, потом, только осознав, что кого-то не хватает в этом убогом, пропахшем человеческой одичалостью пространстве с железными облезлыми стенами... Забыли вытащить из параллельной реальности Орла, который, словно ошалелый, скакал по полю в обнимку с волосатой очумевшей букашкой, выкрикивая: «Таити! Это же Таити!»

Тафира радостно вызвалась вернуть Андрея, а две компаньонки с крыльями почему-то захихикали от ее побуждения. Фея покрылась красным румянцем, а синие локоны вновь выстроились в гневный ирокез и послали пару сверкающих молний в сторону подружек, уже совсем не скрывающих свой смех. Бабочки умели быть счастливыми даже перед лицом смертельной угрозы.

– Надо будет разделиться, кто-то займется вышками, их надо уничтожить и не задеть купол... до поры до времени... – не закончила Радмила Игоревна, когда в ангар забежала целая свора молодых ребят с оружием.

– Пацаны! Дождались! – крикнул Андрей из ниоткуда,

а потом только материализовался в пространстве под шокированные окрики своей армии, отпрянувшей от волшебства как от чумы. – Война началась! Расчехлите наши танки! Задача номер один – разбомбить к чертовой бабушке... Пардон! – вдруг закланялся он Радмиле Игоревне, хитро, но ласково погрозившей ему черным блестящим паучьим когтем, – вон те локационные антенны, чтоб пылинки от них не осталось...

– А потом вся надежда на тебя, девочка, – сказала Радмила Игоревна, поджав губы.

– Я постараюсь не подвести, – заверила Варя, глядя на свою команду, честно не представляя, что будет делать... Ведь даже непонятно было, с кем воевать. Но этот вопрос решился в следующую минуту, когда послышался страшный грохот и крышу ангара снесло от пулеметной очереди.

ГЛАВА 6. ВОЙНА МИРОВ

Ребята, как по команде, с криками и радостным улюлюканьем, будто ждали этого момента всю свою жизнь, бросились к танкам, любовно укрытым пледами и покрывалами, притащенными из дома.

– Дед мой против фашистов воевал. И мне завещал нечисть давить! – заорал Андрей, и его поддержали товарищи, напялив военные танкистские шлемы и пилотки, на которые нещадно сыпались штукатурка и цемент от трещавшего по швам ангара. Но пацаны этого не замечали, и машины, забурлившие жизнью, напролом прорывались нару-

жу. Недавняя забава, бильярдный стол, телевизоры, все летело в сторону и сминалось под мощью советского танка.

Бабочки и Варя с Радмилой Игоревной ретировались через запасной выход на улицу – и быстро поняли, что тревога поднята недетская. Ангар был окружен со всех сторон кордоном из черных бронированных машин и автобусов, из которых выскакивали, словно из принтера, люди в черных одеждах и масках с автоматами.

– Быстро же они спохватились, – заметила бабушка. – Целую роту притаранили.

– Где мои девочки? Где мои бабочки? Кто украл моих куколок? Идите назад к папочке! – послышался знакомый голос Гоблина, раздающийся откуда-то сверху в мегафон. И огромный военный вертолет вылетел из-за холма, мигая сиренами и поблескивая черными пулеметами по бокам.

Феи переглянулись и, взявшись за руки, взмыли в воздух, собираясь к какому-то волшебству. Но противник был наготове и опередил волшебниц: вертолет выстрелил какой-то штуковиной, развернувшейся над троицей сеткой, в которую угодила одна Тафира. И унес бабочку с синими локонами куда-то за гору.

Меленара и Артенара, гневно сверкнув взглядами, больше не походя на милых прелестниц с крылышками, взбесившимися юлами взметнулись вверх и стали раскручиваться с невероятной скоростью, превращаясь в светящиеся коконы, распространяющие потоки света, которые стали плавить

все, что попадалось под их действие. Послышался страшный скрежет металла: ближайший автобус, из которого быстро повываливались охваченные огнем спецагенты, на глазах превращался в грудку оплавленного железа. А опасные искры поджигали вокруг сухую осеннюю листву и скоро взяли всю делегацию в огненный круг.

Радмила Игоревна тяжело вздохнула, видя, как волшебные всполохи все выше и выше поднимаются к небу и почти достигают невидимого человеческому взгляду купола, на котором висит проклятье, способное уничтожить весь город...

– Знаешь, Варечка, ты была права, когда победим – мне будет радостно думать, что я тоже смогла сделать что-то полезное. Ну а если что... помирать, так вместе! Врагу не сдастся наш гордый варяг! – и, не дожидаясь, пока истратятся силы у бабочек, пока мальчишеские танки достигнут вышек, бабушка щелкнула пальцами, окутываясь черным туманом, из которого стал выползать гигантский паук с острыми блестящими когтями. Встав на две нижние лапы, паучиха обернулась, подмигнула Варе своими восемью глазами, уже ставшими родными за эту короткую ночь, и бросилась крушить врагов. Может быть, она ждала эту минуту последние сто пятьдесят лет, чтобы показать всю свою злость и отчаяние, вынужденно превратившие ее в монстра.

Послышался мощный взрыв, за ним пулеметная очередь: это орудовали два танка, стрелявшие сбереженными совет-

скими снарядами по вышкам. Поднялся нешуточный пожар, и один локатор на гигантских ногах, полыхая и пошатываясь из стороны в сторону, будто вышагивал гигантский монстр, стал падать... За ним показался вертолет, который сильно трясло, пропеллер на последнем издыхании кряхтел. И в конце концов черная точка, оказавшаяся Тафирой в испачканном от гари платье, с нечеловеческой силой оторвала вертушку, и от падения кабины о землю спасала только сила волшебных крыльев.

– Девочка моя, не перетрудишься, – кричал в мегафон Гоблин, восхищенно глядя на самоотверженную воспитанницу, легко держащую в руках металлическую кабину, словно несущую корзинку с цветами. – Сейчас пожалуйет подкрепление из метрополии – и все снова вернется на свои места. Ты опять станешь танцевать свой милый танец, но в этот раз папочка наденет ошейники покрепче! – хитро погрозил пальцем лысый Карабас-Барабас, чем окончательно взбесил бабочку, и она отпустила кабину, с грохотом и визгом Гоблина упавшую на землю.

Подождав, пока уляжется пыль, фея приземлилась поодаль и, без страха подойдя ближе к потерпевшему крушение вертолету, стала доставать оттуда своих обидчиков, напевая какие-то слова, которые творили чудеса с ранеными. Из кабины они выползали здоровыми, но на четвереньках, а их лица вытягивались в челюстях, покрывались бараньей шерстью, и уже через минуту на радостную, довольную

результатом волшебницу смотрели милые барашки, один из которых, особо страшненький, абсолютно лысый на голову, блял очень трепетно. Животные разбрелись по ближайшим кустикам в поисках пропитания.

Фея же, почуяв неладное, посмотрела наверх и заметила, как ее волшебство коснулось купола и как над ней стали сгущаться серые свинцовые тучи, закручивающиеся в тугие смерчи...

Но гром грянул там, где находились сестры. И за громом последовали молнии, выстреливающие в разные стороны, задевая автомобили и людей... Одна, распавшись на несколько светящихся шаров, подбила танк, движущийся на оставшиеся антенны, и тот с грохотом перевернулся, задымив изпод низа.

Тафира видела, как из другого вылез взволнованный Орел и с ужасом посмотрел на валяющийся, словно букашка с гусеницами, танк, в котором горели товарищи. И вся ребячья свора, несмотря на опасность, побежала спасать контуженных соратников.

Тем временем Меленара и Артенара, истратив силы на отражение врага в центр огненного круга, продолжали рассеивать белый свет, творивший чудеса с готовящими какую-то подлость людьми в спецодеждах, развернувшими нехилое снаряжение, чтобы противостоять волшебству своей новейшей техникой, выглядевшей внушительно и грозно, какие-то гиперлокаторы, ультразонды, мегаракеты... Но все, до кого

успевали долететь всполохи белого света, падали на землю, вставая уже бычками, козликами, другими существами... По мусорному полю уже бегали пара зайцев и лис, слышалось визгливое хрюканье свиньи. Но этой магии тоже было недостаточно, чтобы справиться с таким многочисленным и таким организованным врагом. Под конец, когда зонды были установлены, прибыла последняя бронированная машина, блестящая супермодерновыми наворотами и затемненными окнами, из которой не спеша вышли знакомые лица, восседавшие этой ночью на вип-сцене. Также переодетые в спецодежды и готовые к войне, они сурово отдавали приказы и, распластав руки вверх, как это совсем недавно делали бабочки, вошли в эфирный слой, прихватив какое-то снаряжение. Не прошло и пяти минут, как сначала погас белый свет, а потом пропали из видимости светящиеся коконы бабочек. А уже через минуту их, скованных какой-то особой сеткой, волокли по земле к машине с затемненными окнами. Бабочки, обездвиженные в силках, спали или находились в обмороке.

Варя стояла и наблюдала за всей этой картиной, похожей на апокалипсис или на войну миров, описанные фантастами, только сейчас происходившие здесь и сейчас, где смешались волшебные существа, люди, животные, танки... А может быть, фантасты вовсе не являлись выдумщиками, а были реальными очевидцами, как она?! А потом победившая сторона накрыла куполом город или даже целую страну (или

всю планету!) и переписала историю так, как нужно было ей. Известно же, что историю пишут победители. Выжившим же оставалось назваться фантастами и переделать свои воспоминания в сказки?..

Молнии выстреливали яркими вспышками все чаще, попадая в предметы, будто играя с ними, как с игрушками. Стоял оглушительный грохот от их раскатов и от падающих с неба комьев грязи, сломанных вещей, обломков, мусора. И это было только начало... Свинцовые тучи, все туже закручивая черные зигзаги, распространялись все дальше и дальше над жилыми районами, разбуженными в этот предрассветный час чудовищными взрывами. Некоторые жители прибежали посмотреть в чем дело – и с ужасом убегали назад от вида фантастической войны миров, которую им иногда показывали по телевизору в качестве развлечения.

Вскоре к молниям прибавилась метель, из ниоткуда выметая огромные вихри снега...

Варя поняла, что настал ее час, внутренне ощущая, что, возможно, это ее первая и последняя битва... Но она готова была пожертвовать собой и своими планами вырваться из этой дыры, если имелся хоть один шанс вырвать из этой дыры весь город, страну... вместе с бабушкой Наташей, могилой мамы, другой семьей папы, Радмилой Игоревной, бабочками, Андреем Орловым и пацанами, достойными лучшей участи, чем быть слепыми очевидцами жизни, которая протекает мимо них в карман какому-то неизвестному вра-

гу...

Прогремел еще один взрыв, перекрывший все остальные звуки, – это Андрей с командой, оказав помощь раненым, прорвался-таки на советском танке деда к оставшимся локаторам и подбил оплот неприятеля, лежащий теперь разбро-санным на тысячу кусочков по округе и догорающим. И те-перь, когда его задача была выполнена, удирал, словно за-гнанный кролик, от снежного бурана, вооруженного облом-ками антенн, мусором и огнем.

– Что ж, – сказала сама себе Варя, чувствуя, как сердце вырывается из груди от страха, что она не справится с по-ставленной задачей и жизни других повиснут на волоске, – пришло время действовать, – и вышла из укрытия, вступив на бранное поле, где окруженные огнем люди в черном, ута-щившие коконы бабочек, теперь спешно собирали свое обо-рудование.

ГЛАВА 7. ШЕФ

Команда распорядителей этого хаоса, укрытая особой установкой в виде зонта, который не подпускал разбушевав-шиеся катаклизмы близко, и окруженная обученными бой-цами, готовыми ринуться в бой по первому приказу, не боясь ни боли, ни смерти, раздавала приказы в рации и мегафо-ны, когда удивленно заприметила тонкую фигурку неподале-ку, которую странным образом обходили молнии и ураганы.

Девчонка что-то говорила, но в рокоте взрывов на мусорной горе и реве взбесившейся метели ее не было слышно...

– Еще одна? – изумленно присвистнул глава области, снимая черную маску с сурового властного лица, привыкшего повелевать и быть хозяином положения.

– Шеф! Сергей Валентинович! Это еще одна бабочка! Вы только посмотрите, она сверкает... Волшебство пятого уровня, максимум на барометре! – удивился помощник, всматриваясь в установку.

– Это не бабочка... – приглядываясь, растерянно произнес шеф, – это Зеркало. Давненько я такого не видал... Лет сто. А может быть, и больше. В последний раз на этот купол трех зеркал пришлось пустить в расход.

– С такой силищей можно замахнуться на президента подвластных чертям территорий, – быстро кумекал помощник, все поглядывая на какие-то барометры.

– С такой красавицей можно не то что на президента, а на самих песиглавцев – чтоб им гореть в аду! – поход организовать. И все серые зоны подмять под себя...

– Шеф, но под куполом не могло переродиться нового зеркала, – констатировал, словно истину из учебников, помощник. И в самом деле достал из своей военной сумки методичку «по взаимодействию с волшебниками пятого уровня». – Это просто невозможно! Купол не пропустит, радары стоят, группы оперов каждодневно делают рейды по выявлению всякой мистики. Ее бы запеленговали в первый же день

по всполохам...

Тут он взглянул на обломки вышек и ахнул.

– Значит, может! – грубо отрезал шеф. – Значит, фиговые у тебя пеленгаторы. Проворонили настоящее зеркало!!!

– Или она переродилась только что... – строил догадки помощник, приходя в себя и что-то срочно наговаривая в рацию. – Но как она узнала об... об оккупации? О вышках? Выживших после потопа не осталось.

Оба они одновременно перевели взгляды с разгромленных вышек на громадного, выше человеческого роста, паука, дерущегося с бойцами и на ходу употребляющего их в качестве закуски, оттого разрастающегося на глазах вширь да ввысь. А потом глянули на другое поле боя, где один выживший танк теперь сражался с бураном.

– Вадим! – чертыхнулся шеф на помощника, сверкая глазами, в которых медленно вырисовывалась нерадужная, кипящая серой картина. – Звони в метрополию! Немедленная эвакуация посвященных! И полная зачистка города, который вот-вот проснется и увидит... все это... черт побери, волшебство! И тут даже идиот прозреет!

Вадим побледнел и, взяв в руки аппарат с особой трубкой и особыми кнопками, экстренно принялся названивать куда-то.

– Уходим! – скомандовал шеф. – Здесь уже ничего не поделаешь. Дай бог, город уцелеет от бурана и ледяного дождя. А трех бабочек, – и он посмотрел, как бойцы с лицами охран-

ников в клубе почти управились с Тафирой, попавшей-таки в специальную сетку, – вполне достаточно, чтобы пережить темные времена и смуту где-нибудь на Таити.

– А как же Зеркало? Неужели бросим такой невероятный подарок судьбы?! Это же не случайность, что в ваше правление она появилась. Это знак! – не унимался Вадим, и они еще раз с интересом взглянули на незнакомую девчонку с длинными развевающимися волосами, с которой творились метаморфозы, и их хитростные приборы стали некрасиво подрагивать и пахнуть паленым пластиком, фиксируя какие-то невиданные цифры изменения пространственно-временных измерений. – Ее бы схватить! Мы бы в лаборатории с ней хорошенько поработали. Ведь такую силу да в правильные руки... – продолжал закидывать удочки Вадим. – Или хотя бы обезвредить, она ведь может пробить купол. Вот тогда будет настоящая катастрофа! Ее нельзя оставлять на свободе... ни при каких обстоятельствах!

– Не пробьет, – не очень уверенно произнес Сергей Валентинович и дал команду поторопиться. – Еще никому не удавалось... Купол уничтожит людей и город, а когда пыль уляжется, мы вернемся за ней...

И они спешно стали сворачивать технику, которая помогла схватить фей, укрыться от молний и метели. Но, усевшись в машину, обнаружили перекрытый путь к отступлению. С одной стороны на них смотрела девчонка, переливаясь зеркальной волной, а с другой – весь состав городской

полиции, включая дорожный патруль.

Вадим стал орать в микрофон, чтоб эскорту главы области немедленно освободили дорогу, но ни одна из полицейских машин не двинулась с места... И шеф с командой почувствовали неладное.

– Только не сейчас... – взмолился помощник. – Только не сейчас.

ГЛАВА 8. ЗЕРКАЛО ПРОБУДИЛОСЬ

Варя заплакала от отчаяния и злости... и в бушующей ярости ощущала, как что-то меняется в ней самой и вокруг. В глазах двоилось: война и пожары этой реальности стали накладываться на эфирный слой фантомов потерянного рая... Вернулись предательские человеческие чувства: страх, беспомощность, неверие в свои силы... Но среди этого гомона, сумасшествия и миражей прошлого яснее всего она видела своих друзей, которым немедленно требовалась помощь...

Бронированная машина с волшебными заложницами готовилась скрыться в неизвестном направлении... На последнем издыхании лавировал танк с Андреем Орловым, гусеницы заледенели и вкручивались в грязный, полный мусора снег... На паучиху накинuloсь с десятков одинаковых качков в черных костюмах ниндзя, из-под которых уже не было видно ее мохнатых лап...

– Что? Что умеет делать зеркало лучше всего?! – повторяла сама себе Варя, пытаясь перекричать буран. – Сбывать мечты?! Сбывать мечты?! – И, закрыв глаза, собрав всю

злость, страх, надежды воедино, приказала сама себе:

– Проснись! Зеркало, проснись! Зеркало, проснись!!! Проснись или умри, черт тебя побери! – и в тот же миг ее пронзила невероятная убийственная боль, подбросив вверх и перегнув пополам как сломанную соломинку... И, как на пророчила сама себе Варя, в этот момент умерла ее физическая сущность, а вместе с ней та мрачная физическая реальность, полная печали, потерь и несправедливости, в которой она просуществовала шестнадцать лет. Но в то же мгновение на свет появилось другое существо, живущее чувствами, поддающееся эмоциям, но только тем, которые порождает оно само. По своей собственной воле. Способное осознать и даже стать любой формой жизни, отражая все, что видит, изнутри и снаружи, словно зеркало.

Через тело девушки, зависшей в воздухе, извне стали прорываться зеркальные осколки этого нового волевого существа, облепляя тело Вари маленькими и большими зеркалами... И уже через мгновение она походила на оживший зеркальный манекен, наводящий ужас своим кукольным безразличным видом. Но при каждом движении зеркальных рук и ног или повороте головы в сторону противника у каждого, кто видел эти превращения, становились волосы дыбом от этого жуткого необъяснимого страха. И в зеркалах, заменявших манекену глаза, мерещилась ярость, мстительность свирепого зверя, с которым многие существовали по жизни и не в силах были с ним справиться... И этот зверь теперь го-

товился к нападению, чтобы расквитаться за свое мучительное томление.

– Кто здесь хотел исполнения желаний?! – громко, будто в микрофон, насмешливо крикнула зеркальная Варя, резво приземляясь на зеркальные ноги.

И, широко расставив руки в стороны, она топнула ногой о землю, мгновенно разделяясь на четыре одинаковые зеркальные фигуры.

Одна смело двинулась к бронированной машине, обставленной кордоном из спецагентов, готовых отразить удар с помощью каких-то щитов.

Вторая направилась к танку, застрявшему в снежном киселе.

Третья – к заваленной спецназом паучине.

А четвертая осталась стоять на месте, внимательно всматриваясь в небо, будто собираясь допрыгнуть до него... Что и произошло в следующую секунду. В двух огромных зеркалах вместо лица стремительно стало увеличиваться небо вместе с ярко-красным солнцем, еле пробивающимся через неестественные сизые тучи, отстреливающиеся молниями и ледяным градом. И когда до столкновения остался совсем миг, те, кто видел этот полет, заметили, что в руках у зеркальной фигуры сверкнул гигантский молот, ударивший небо, тут же разразившееся невиданными по мощи злыми молниями, способными спалить любое живое существо дотла. Искры от удара посыпались на землю, прожигая ее

на несколько метров вглубь. Но Зеркалу эта сила являлась родственной, поэтому, ухватившись за одну из молний, как за канат, оно мгновенно домчалось до земли, чтобы попытаться расколоть и ее, под которой находилось дно купола.

На такой удар, бросив свои дела по уничтожению города, бросились все опасные катаклизмы. Но Зеркало будто только и ждало помощников, ловко хватаясь и за их концы, словно собирая праздничный букет из жгучих молний, бушующего снежного бурана, ледяного дождя, чтобы с нечеловеческой силой направить их разрушающее действие на уничтожение самого купола, который, впрочем, не дрогнул. Однако это не смущало зеркального манекена, вновь и вновь взлетающего с молотом в небо и ударяющего его, чтобы пасть и нещадно бить земную твердь, желая добраться до дна...

Первое Зеркало, не теряя времени, раскрыло объятия, источая серебристый поток зеркальных снежинок, направленный на целую армию натренированных, один к одному, бойцов, приготовившихся напасть или отразить удар...

– Идите к мамочке! Ведь я так люблю исполнять мечты, – ехидно позвало зеркальное чудовище, развернув каждую зеркальную пластинку в сторону противника, словно разъяренный зеркальный дикобраз... и получив приказ, тот бежал, выкидывал вперед свое оружие, стрелял, нападал, тут же осыпаясь в прах у ног монстра...

– Что происходит? – спросил Андрей, пытаясь перекрыть взрывы и удары молота о невидимый купол. Ему помогла вылезти из обездвиженного танка освобожденная Тафира.

– Зеркало исполняет мечты!.. – отвечала фея. – Но если ты живешь только материальным миром, тогда они случаются разом, и тебе больше не остается ради чего жить. Ты превращаешься в то, чем являешься на самом деле, как и все то, о чем грезил. В пыль. – И она подхватила парня на руки, так как у него была сломана нога...

Но вот к ним приблизилось Зеркало, подхватывая опасные блуждающие молнии неподалеку.

– Ты прекрасно, Зеркало! Благодарим тебя! – восхищенно воскликнула Тафира и в воздухе проделала реверанс, прямо с парнем на руках.

Зеркало ответило поклоном, неожиданно раздвоившись на две фигуры, проявляясь в пространстве в виде еще одной Тафиры и Андрея Орлова. Двойник бабочки, сверкнув стальными глазами, бойко взмыл к куполу и стал плавить его своим волшебным светом. Двойник Андрея легко нырнул в танк и завел его. С какой-то невероятной скоростью заработали двигатели и закрутились гусеницы, вытаскивая советскую грозу полей из снежной жижи, чтобы приблизиться к центру войны с куполом. А дальше суровое дуло направилось в точку основного удара, куда били со всех сторон дру-

гие зеркала... и стало грохочущими залпами бомбить невидимого, но грозного и непробиваемого врага.

Освободившее паучиху Зеркало огромными паучьими лапами уже плело паутину, собираясь изнутри облепить купол своим вязанием, дабы задержать молнии и прочие стихийные бедствия. Оно прыгало из стороны в сторону, цепляясь за невидимые крючки, выстреливая паутинами в пробоины, из которых намеревались извергнуться сверкающие зарницы.

– Я знаю, что вы не знали жизни без команд, ибо были созданы для того, чтобы служить, не задавая вопросов. Вы выполнили свой долг честно. В моем отражении это заслуживает быть настоящими людьми. Поэтому я освобождаю вас от рабского безволия. Найдите неприкаянные души, соединитесь с ними и сделайте лучшими из людей, помнящими свою историю, но творящими жизнь отныне по своей воле и во благо всех. Это значит – быть человеком! – установило Зеркало, у ног которого собралась добрая куча пепла.

Оставшаяся в живых группа людей в черных масках и со щитами в руках замерла, услышав то, что давно было в невольничьих сердцах, догадывающихся об истине, но не имевших возможности вырваться и восстать против тех, кто их породил. Однако Зеркало отразило то, о чем вещало...

Даже самый последний безбожник, нечеловек, животное,

груда мышц, порожденная в лабораториях с одной-единственной целью – повиноваться, имеет право на шанс быть человеком, если принимает это серьезное и ответственное решение – жить как человек. Реагировать как человек. Относиться к другому так, как тот бы хотел. Относиться к природе как к своему дому. Любить и уважать все вокруг. Постоянно стремиться к совершенству. Эволюционировать. Чтобы однажды самому стать богом.

Люди в специальной форме расступились, пропуская Зеркало к бронированной машине, из которой неожиданно вылетела уже знакомая сетка, ранее сковавшая фей. Сетка зажужжала, будто находясь под напряжением, и стала проходить сквозь зеркального манекена, который растаял на глазах.

Не поймав, но уничтожив одну зеркальную копию, машина резко дала задний ход, пытаясь пробраться сквозь кордон затеявших смуту полицейских, но наткнулась на шквал полицейского огня, который, правда, не причинял сильного ущерба броне с затемненными окнами, пока на помощь правоохранительным органам не подкатил советский танк, сурово повернув дуло в лобовое стекло. За штурвалом сидел Орлов Андрей, и глаза его переливались стальной волной решительности. Машина примирительно заглушила мотор. И тут же из одного полицейского автомобиля вышел уже знакомый толстяк в погонах и, взяв микрофон в руки, командовал:

– Стоять на месте! Не двигаться! Вы находитесь в руках полиции, – и, обернувшись на танк, добавил, – объединенных сил полиции! Любое несанкционированное действие рассматривается как попытка к бегству! Стреляем на поражение! Без предупреждения! Автоматы, хоть и не волшебные, а свою задачу знают! – а потом, как ни в чем не бывало, обратился к паучихе: – Лидия Ивановна, спокойно! Они в наших руках! Лучше помогите манекену... э... то есть этой богине, – и он указал на гигантский ров, в котором то и дело появлялась и исчезала зеркальная фигура с молотом и молниями, – разрушить то, что она там пытается разрушить. Я так понимаю, крышку от капкана? Куда нас поймали и держат, как пауков в аквариуме, вот эти гады, да?.. Да не смотрите вы на меня так своими глазищами! Не такой уж я и дурак, чтоб не понять, что здесь какая-то черная магия замешана... И не только Пашка вас в таком обличье видел, между прочим. Просто я думал – спяну мне показалось... чертовщина с пауками...

– Потом, когда буду дознание проводить, вы мне еще все признание напишите! Все отчитаетесь!!! – он погрозил пистолетом теще. – И вы – за свои восемь волосатых ног, и бабочки с крыльями – за фермерские замашки! – он указал на кусты, где паслось уже целое стадо рогато-копытных и прочих животных. – И особенно мне интересно послушать дорогого главу нашей области с дружками, пригравшего чертей в центре города. – И под дулами автоматов и танка,

под угрожающими взглядами волшебных существ из машины с поднятыми руками стали выходить люди.

– Ты, Леня, мне еще сам за это отчитаешься, – спокойно произнес глава. – Сейчас подрулит помощь из самой Москвы, и тогда...

– А вы мне не тыкайте... Сергей Валентинович, – начал Леонид. – Пока ваша подмога подъедет, наши, – и он показал дулом наверх, где молотом бились волшебные существа, – взломают вашу крышку от унитаза! И сольетесь вы вместе с вашими столичными дружками! А пока беру власть в свои руки и объявляю военное положение и комендантский час. Перекрыть мосты, взять почты! Вышки уже сломаны. Молодцы! – констатировал довольный Леня, став главой временного правительства. – А я думаю, что за подстава с карьерой?! Служу этому черту верой и правдой, исполняю все его приказы, делишки черные прикрываю, а он меня из года в год сладкими мечтами о повышении кормит... и каждый раз подсылает начальников, и все нездешних, плюгавых, гнилых! И не крутите мне тут глазами, я видел у них и хвост, и роги!!! Теперь не отвертитесь! Военный суд вас ждет, шеф! – и приблизился близко-близко, чтобы было слышно только ему. – По магическим законам вас судить станем, чтоб в пыль от пылесоса засосало и никаких следов! И Вадика туда же! – зыркнул глава временного правительства на съездившегося помощника шефа.

ГЛАВА 9. ОБЪЕДИНЕННЫЕ СИЛЫ

– Она не пробьет купол, – спокойно сказал шеф, в наручниках усаживаясь на заднее сиденье полицейского бронированного автомобиля.

– А это уже неважно, – так же спокойно проговорил полицейский. – Ты все равно под суд пойдешь, гад. За геноцид! У меня на тебя вагон и маленькая тележка материала. Оборвем вам хвосты и в бараний рог скрутим, – и с силой захлопнул дверь.

– В карцер! В одиночку! Наручники не снимать. Еще, чего доброго, колдовать станет, – скомандовал временный глава. – Сейчас с куполом разберемся – и на допрос мне этого черта. На сковородку с раскаленным маслом...

Молнии, метель и буран были потихоньку устранены объединенными силами, что дало некоторую надежду на спасение города и обычных жителей. Однако зеркальные манекены, теперь сами похожие на шаровые молнии, летая с непостижимой скоростью, пробуравили гигантский котлован, в котором сверкали молоты... но так и не заставили купол стронуться.

– Я вот что думаю, – заговорил Леонид, вытирая платком вспотевший лоб и оглядывая свое немногочисленное войско, состоящее из оперуполномоченных коллег, перешедших на правильную сторону бойцов неизвестной гвардии, приходящих в себя бабочек, танцовщиц из самого злачного

клуба города, тещи в паучьем обличе, стада баранов и коров в кустах, пары десятков гражданских, прячущихся тут и там, и главаря шпаны со сломанной ногой, который, кстати, стоял на учете! – Я не знаю, кто вы такие, и, может быть, мы с вами сильно отличаемся. И даже относимся к разным пищевым цепочкам. У меня нет крыльев, и глаза лазерным лучом не палят, – он дотронулся до кобуры, висевшей на ремне. – Но вижу, что попали мы в один капкан, а значит, выбираться нам придется вместе. Даже если это станет для кого-то посмертным подвигом. А я чувствую, станет... Так как скоро ожидается подкрепление этих чертят, и приедут они на бронированных танках с новыми сетками. И не для того, чтобы с нами беседы беседовать. Поэтому, – он обернулся на паучиху и немного отодвинулся от восьми глаз, смотрящих на него то ли с приязнью, то ли с аппетитом, – мы должны ей помочь. И хотя я не бабочка, – он взглянул на бледных измученных волшебных созданий, которые как по команде поднялись, отряхивая слегка помятые крылья, – мы все-таки можем что-то сделать. Например, каждый станет бороться с противником теми силами, что имеет в распоряжении. И верить! Главное, верить! Не переставать верить в то, что это наша земля! Мы здесь родились и выросли, и бежать нам отсюда некуда. Значит, мы будем бороться за нее до последней капли крови! Красной или синей...

– Эй, ребята! – позвал он оставшийся отряд в черном. – Снимайте свой маскаррад ниндзя, доставайте свою технику,

что притащили. И как глава временного правительства и верховный главнокомандующий в одном лице, – он кашлянул, – даю приказ установить аппаратуру на всех подступах к вулкану. – И он указал на ширящийся кратер, с насыпью по краям уже с десятиэтажный дом, в самом деле напоминающий издали огромный вулкан. – И стрелять на поражение по любому, кто захочет помешать зеркалам разбить крышку... то есть купол от аквариума.

– Есть! – крикнули ребята, снимая черные маски, под которыми суровыми лицами смотрели тридцать три богатыря одинаковых с лица.

– Это клоны, что ль? – тихонечко обратился Леонид к теще. – Кстати, Лидия Ивановна, пора б уж карнавальный костюм на человеческий сменить. Что вы меня, право, в неприглядном свете перед товарищами выставяете?!

И в самом деле, оперуполномоченные коллеги, забыв про все на свете, не сводили глаз с гигантского паука, слопавшего в бою не одного бойца с мускулами побольше, чем у служащих полиции, отрастивших аппетитные мускулы в основном в районе пупка.

Паучиха сплела тонкую нитку и аккуратно повесила зятю на голову, как веночек. Он втянул шею поглубже в тело от такого знака внимания, а пара коллег, особенно чувствительных, бросились в кусты от вида паучьей слюны на голове командира.

Как вдруг в голове Лени заговорило сразу два голоса, один

свой собственный, а другой тещин.

– Ленчик, ты правильно мозгуешь! Раздели войска, пусть клоны расчехлят свои бандуры и со всей дури палят по всем, кто встанет на пути. А сам дуй эвакуировать население. Па-шулечку от меня поцелуй крепко! Он хороший мальчик. Я его любила, не сомневайся! А мы дальше действуем магическими силами.

– Типа телепатия, да? – удивился Леня, при этом быстро отдавая приказы в рацию и помощникам. – Потом на анализ слюни возьмем, посмотрим, что за галлюциноген задействован, – и побежал исполнять.

ГЛАВА 10. ВУЛКАН ПРОСНУЛСЯ

Когда люди разъехались спасать город, а нелюди занялись своей работой, на которую были заточены, Радмила Игоревна на языке, понятном лишь волшебным существам, объяснила план, который состоял в том, чтобы отдать Варе свои силы, которые должны будут помочь ей подняться на следующий уровень развития, и хотя при этом ее зеркало должно разбиться, мощный всплеск от перевоплощения обязательно сломает купол. Бабочки согласились, это был единственный шанс, пока не подросла вооруженная подмога.

– Однажды разбившись, зеркало не восстанавливается... но эволюционирует в следующую форму жизни. Прекрасный белый свет, способный озарить новую вселенную, – грустно сказала Тафира, прикладывая волшебные руки к сломанной ноге Орла.

– Что это значит? – обеспокоенно спросил парень, выздоравливая на ходу. – Это же хорошо? Или не очень?

– Зеркала созданы, чтобы рождать новые миры, где будет все так, как только они захотят. Планета, где все ходят вверх тормашками. Или где живут только розовые слоники или бабочки. Наши отец и мать, древние из зеркал, придумали этот рай, где все закручивается в спираль и на каждом этапе мы становимся кем-то другим, лучшим, чем были до этого. Это их сон, – она улыбнулась, увидев полное заживание. – Но для перевоплощения нужно двигаться по спирали вдвоем. Человеком Варя должна была бы встретить свое отражение, свою любовь, того, кто вместе с ней зажег бы новое солнце, вокруг которого закрутилась бы новая жизнь.

– Но, на беду, у нее не было времени и шанса найти своего фея, способного исполнить только ее мечты, как она исполняет мечты других. И, разбившись о купол, она сама станет потухшим солнцем, которое будет греть нашу землю после этой войны, где погибло все, что давало тепло и свет... И так будет спать и видеть свой сон про то, как сбылись ее мечты, пока окончательно не погаснет.

– А фея, ну, пацан, что будет с ним?

– Он будет жить, как жил, обычной человеческой жизнью... и может быть, до того момента, пока она не погаснет, увидит ее свет, пойдет за ним, узрит за потухшим солнцем свою спящую избранную и будет достоин того, чтобы разбудить ее и сделать сон явью.

– А если не увидит?

– Сейчас главное – пробить купол, Андрей Орлов, – серьезно сказала Тафира своим неестественно детским, кукольным голоском, направляясь к своим сестрам и на ходу превращаясь в светящийся кокон, распространяющий свою силу на помощь зеркалу. И потихоньку растворяясь в пространстве... теряя свою физическую оболочку, проявляясь только в эфирном мире фантомов, где и положено быть бабочкам.

Андрей лишь грустно посмотрел ей вслед, понимая, что, возможно, видит свою бабочку, полюбившуюся ему за эту волшебную ночь, в последний раз. Ведь если Зеркало не пробьет купол...

ГЛАВА 11. КУПОЛ ПРОБИТ. СОЛНЦЕ ПОТУХЛО

Зеркальные манекены, на секунду оторвавшись от своей работы, почувствовали, как прибавляется сила, опьяняющая, вдохновляющая, толкающая их на эволюцию и новые метаморфозы. И, не смея противостоять движению, собравшись воедино, отразили самоотверженный шаг своих соратников, взорвавшись чистейшим светом, из которого способны проявиться любые краски, любые чудеса... любые существа, как, например, десятки и даже сотни зеркальных манекенов, теперь выходящих из ниоткуда, из мира, придуманного только что их прародительницей. Вставали стеной, крепясь друг к другу, создавая своими блестящими телами высокую крепость, в которой отразилась застывшая на добрые

пять минут реальность вокруг. Где на подступах к городу замерли в воздухе бронированные танки с московскими номерами, подбитые и подожжённые точными ударами их же новейшей ультратехники.

Полицейский кордон машин, охраняющий автобусы с жителями, готовый двинуться в путь подальше от войны и природных катастроф.

Застывшие в эфирном мире существа, отдавшие свои силы, которые поддерживали их образы в физическом мире, на прорыв.

Все это осветилось белым, стирающим все и вся, словно ластиком, превращая в чистый лист бумаги...

А когда ослепляющий свет пропал, люди подняли головы вверх и с удивлением, а некоторые с ужасом, увидели картину, переворачивающую все представление о строении их мира.

Как на утреннем небе, еще недавно таком черном и страшном от надвигающейся катастрофы, а сейчас безмятежном, где не плавало ни облачка, светило раннее свежее, как яичный желток, солнышко, к которому все так привыкли в эти осенние деньки... разверзлась гигантская дыра, словно сломали скорлупу того яйца, где светил желток, а в ней чернел космос... И он совсем не был похож ни на вакуум, ни на безлюдное пространство, ни на все те картинки и представления, что показывали нам «образованные» ученые по телевизору или внушали в школе, рассказывая про волосатых

прямоходящих обезьян, единственных разумных существ во всей вселенной...

Это было что-то удивительное и потрясающее! То, что каждый мечтал увидеть или пытался вспомнить, когда смотрел ночью на звезды, являвшиеся лишь жалким подобием настоящих зеркал, устроивших свои миры, блиставшие на ближние и самые дальние пространства своим величием... Летали разноцветные зеркальные галактики, в больших из них умещались маленькие, потом маленькие отделялись, чтобы объединиться с другими... большими, средними и опять маленькими... Чтобы однажды упасть мириадами мелких осколков – и рано или поздно найти свой путь, создавая новые конгломераты галактик... И это видел и ощущал каждый, каким-то удивительным, внутренним курсором, соединенным с каждым объектом за сломанной скорлупой...

Кружилась голова, радостно и волнительно билось сердце, наворачивались слезы на глаза... Будто после долгой болезни, люди чувствовали подъем сил и веры... Что они не одни! И не брошены на никчемное прозябание! И самый отчаянный безбожник, свирепый бандит, невежа, даже нечеловек или монстр, готов был во что бы то ни стало пересилить свое варварство, обуздать дикарство, отказаться от животных инстинктов, заплатить по долгам и очиститься, чтобы хотя бы на миг стать этим безграничем, в котором жили сверхсовершенные Боги...

ГЛАВА 12. БОГИ

Боги... так, по крайней мере, предстали для застывших в изумлении людей появившиеся из глубокого космоса сияющие великаны в доспехах. Они были высоки ростом, широки в плечах, суровы в лицах и невероятно красивы... Десятки таких фигур приземлялись и приземлялись на растерзанную, изрытую, порушенную землю, когда-то бывшую и их родиной.

Бабочки, тут же склонившись в реверансе под определенным углом, прояснялись из эфирного мира, тонким шлейфом становящегося видимым и в нынешней реальности...

Легко и просто девушки стали вытанцовывать свои фейские па и озаряться яркими красками, будто их разукрасили флуоресцентными фломастерами. На порхающих крыльях расцвели глаза, еще более прекрасные, чем раньше, от их сияющего подмаргивания менялись предметы и природа, становясь более чистыми, свежими, яркими... Послышался аромат цветущего миндаля, который прогонял прочь запах человеческих отходов.

Поднялся невероятный шум: это кричали восхищенные люди, впервые осознав, что здесь, рядом, существует еще одна реальность, в которой недавно побывал Андрей Орлов, и она такая чудесная и прекрасная. И, возможно, не одна... На глазах у изумленной публики вырастали экзотические деревья, на них распускались цветы и фрукты, колоссальный ствол гигантского дерева, когда-то росший и в этой физической реальности, стал виден человеческому взгляду..

Тем временем из группы великанов с суровыми прекрасными лицами вышли двое, мужчина и женщина, похожие на настоящих царей, одетые, или, точнее, овеянные золотым сиянием, с гигантским нимбом над головой в виде диковинной короны. Они с большим вниманием и серьезностью рассматривали все вокруг: пустоши, убогие постройки, мусор, измельчавших людей, опущенных до дикого животного состояния, что некоторые из них при помощи магии бабочек, помогающей привести внутреннее состояние в гармонию с внешним, паслись на грязном поле в виде свиней, козлов и прочего зверья... Наконец, тяжело вздохнув, великан произнес, обращаясь к своим соратникам:

– Передайте Гекатонхейру, что к его царству присоединена новая территория разумных существ...

На эти слова вдруг разразился страшный грохот там, где еще недавно располагалась мусорная гора, на которой стояли проклятые локаторы.

Земля затрещала и пошла по швам, и стала дыбиться растущим гигантским холмом, обрастающим могучими древними деревьями, на которых располагались невиданной формы удивительные жилища, из которых вылетали люди с крыльями бабочек разнообразных форм.

– Это ангелы! Это же ангелы! – кричали изумленно в толпе.

– Отец! – вскричала Артенара и пулей полетела к холму... который все рос и рос, превращаясь в гигантский палец какого-то колоссального титана.

Меленара поспешили за сестрой.

И, приблизившись к холму, обе склонились определенным образом, влетая в новое пространство еще более красивыми, еще более обновленными, фантастическими существами... Наверное, такими, какими были до похищения сто пятьдесят лет тому назад.

– Я ЗНАЮ, – сказал голос, который услышал каждый, видевший огромный холм в виде пальца. Услышал не ушами, и даже не сердцем, а всем существом, которое, заключенное в зеркальную ловушку, потерявшее смысл существования, знало и верило, несмотря ни на какие ухищрения и ловушки, о существовании древнего могучего прародителя. Ему в трудные минуты посвящались молитвы о здравии детей, отцов и матерей, друзей, себя, просьбы о мире во всем мире, богатстве, счастье, несметных сокровищах, фантастических приключениях, большой любви... и многом другом.

С самого младенчества до самых пожилых лет каждый верил, что однажды услышит эти два слова. И таким образом узнает, что слышим. А значит, жив.

«Я знаю... ты есть. Я вижу тебя. Я слышу тебя. Как ты меня».

Так говорил древний отец, имя которого люди давно позабыли. Или их заставили позабыть. Их память не ведала,

как звать и величать его, как быть с ним, расти с ним, поклоняться ему и брать с него пример... Но все это было неважно, по сравнению с тем потрясающим чувством единения, которое росло только от одного знания – что есть куда расти. Что кто-то уже прошел этот путь и ждет тебя на нем с распростертыми объятиями.

– Серая зона Подмосковья переходит под власть последнего титана и властелина Вселенной Гекатонхейра. Люди, нелюди и прочие существа признаются разумными, ибо слышат и видят своего прародителя! – проговорил золотой великан и ударил о землю гигантским посохом, будто устанавливая свой флаг и власть над ней. В разные стороны полетели золотые шаровидные всполохи, двигаясь, словно живые существа, чтобы узреть общую картину одичания и масштаб бедствия.

– Захватчикам, как и прежде, выдается право перейти на сторону истинного властелина Вселенной и хранителя Кристаллического разума или обратиться восвояси в течение одной большой минуты, – проговорила великанша и тоже ударила посохом, стрельнувшим серебряными искрами, разлетевшимися для исполнения этого приказа.

– В час и день Бога О отдается эта вотчина в безвременное владение и правление его дружине, дабы очистить и заново возродить потерянный рай во имя всего сущего!

– Колесо Сензара будет запущено в дневной час Бога О!

У людей, духов и ангелов есть несколько часов для радостной встречи. Потом врата миров закроются, для того чтобы каноны жизни восстановились и на этой славной земле.

На этом их речь и миссия закончились, и они пропали, растворившись в воздухе.

Палец Титана застыл, как оплот нового мира и знак того, что все происходящее является правдой. А все семейство бабочек ринулось вниз для приветствия своих родных и близких, с кем они были разлучены все эти года, но неустанно надеялись на воссоединение, которое и является истинным счастьем.

Андрей видел, как Тафира стремится к своей семье и подругам, но не отпускал ее, понимая, что должен сказать кое-что на прощание, но все не решался. Тогда за него сказала бабочка:

– Ты проживешь очень долгую и очень счастливую жизнь. Очистишь землю от мусора. Поможешь своим людям осознать, кем они являются на самом деле, через это познаешь и свою истинную миссию. Общими усилиями вы оживите Древо явного мира, которое разрастется и своими корнями соединится с неявным прообразом, превратит твой город и землю в настоящий цветущий рай, где всегда будет лето, как на твоём любимом острове Таити. Потом ты встретишь свою любовь. Вместе вы зажжете новый огонек надежды для будущих поколений. У тебя родится четыре замечательных

танкиста... А когда твоя человеческая оболочка исчерпает свои силы, я сама прилечу к тебе, обмою твое тело травяным настоем черной березы, любовно обвяжу листьями черной малины, и ты погрузишься в долгий сон, а когда проснешься... то окажешься рядом со мною. И у тебя будут такие же красивые крылья, как у меня... И мы не расстанемся никогда, – и хрустальные слезы покатались из глаз бабочки... – Я буду помнить о тебе всегда-всегда. И, возможно, иногда приходиться во сне, – добавила девушка на немой вопрос Андрея, который не находил в себе сил отпустить своего ангела-хранителя.

– А ты меня не обманешь? – грустно спросил он.

– Ангелы никогда не лгут, мой Золотой Орел... – ласково проговорила влюбленная волшебница.

Паучиха сложила лапки определенным образом, как ее учили в школе, и тут же соединилась с сущим, ибо теперь никто не мешал и не стоял на пути у движения малого к большому, чтобы обрести его силу и возможности. И тут же обернулась красивой молодой девушкой, которая годилась полицейскому в дочери, а не в тещи. Потом молча подошла к нему, обомлевшему от такого превращения, и со всей теплотой крепко обняла. Толстяк в погонах вконец разволновался от всех этих чудес и стал всхлипывать от переполнявших чувств и надежд на ее маленьком родном плечике. Соза-

ди слышались крики жены и сынишки, они бежали к ним и тоже ринулись в объятия. Все молча плакали от счастья, так как понимали, что невозможно выразить словами то, что только что произошло у них на глазах. Закончилась долгая жестокая война, где полегло не одно поколение близких им людей, загнанных невидимым врагом в настоящий беспросветный ад... Когда рай, им принадлежащий по праву рождения, находился так близко. Но им, смельчакам, невероятным образом удалось выжить, пронести через мрак свет надежды на грандиозное, чудесное, счастливое будущее.

И начиналась новая жизнь, где прямо здесь и сейчас сбывались все мечты. Но не те мечталки и хотелки о Гаити, новых дорогих машинах с затемненными окнами, шикарной жизни в люксовом номере пятизвездочного отеля, собственной яхте и самолете, дорогущих шубах и украшениях, этого добра теперь было вдоволь, только оно стояло ненужным и брошенным. Ведь по сравнению с теми благами, что дарила связь с высшими совершенными богами, умеющими летать, говорить без слов, быть бессмертными, не разлучаться с любимыми никогда-никогда, – все остальное меркло, смотрелось мелким и даже глупым.

Леонид утирал слезы радости, которых не стыдился перед такими же разволнованными коллегами, обнимавшими свои счастливые семьи, для которых тоже наступали новые времена. Где не будет места полицейским, таможенникам, гаишникам, судьям – закон будет устанавливаться самостоятельно

и реализовываться безотлагательно самым волшебным образом, как это было раньше и дошло до нас в виде мифов и сказок. Блестящие шаровые молнии и всевидящие грозовые облака будут творить суд, тут же, без следствия и дознания, превращая зачинщиков беспорядка в овечек и прочих козликов, пока те не расскаются... Поэтому многим придется переучиваться заново, а также приучаться верить в чудеса и в ангелов, которых кружилось огромное множество в воздухе, они создавали какие-то завихрени с пространством и временем... Придут в моду новые профессии, скорее всего, понадобятся плотники и строители, и Леонид этому очень радовался, потому что на самом деле сходил с ума от деревообработки, пропадал все выходные в своем гараже с друзьями, где они изготавливали реплики старых резных комодов и гарнитуров.

– Лидия Ивановна, вам, как представителю мира русалок и гномов, можно вопросик? – когда успокоился, отвел в сторонку свою помолодевшую тещу Леонид. – Мужик с посохом и молниями – это Перун или Зевс, я так понимаю? – пытался догадаться полицейский, вспоминая из школьной программы всех богов. – Тогда вот эти пятиметровые товарищи с мечами, что остались нас сторожить, – кто? Им полномочия временного правительства передавать?..

ГЛАВА 13. ФЕЙ

Егор вышел из пустого клуба, когда на улице окончатель-

но заглохли взрывы... И увидел у себя над головой какой-то космический театр, развернувшийся в обломках неба, где некрасиво и тускло все еще висело ненастоящее солнце, похожее на большую лампочку.

Но ему что-то мешало разглядеть лучше фантастическую картину вселенной, бесконечно далекую и одновременно настолько близкую, что можно было подслушать разговор двух звезд.

Он дотронулся до висков – и нащупал странные металлические пластинки, которых не замечал раньше. Это они мешали. Он попытался их отсоединить, но те были вживлены ему в голову. Не испугавшись боли, он вырвал-таки их вместе с проводками, по которым заструилась тонким ручейком его кровь. Он удивленно посмотрел себе на руки, в которых лежали маленькие испачканные красным микросхемы... как вдруг яркий свет ударил ему в глаза, и он застыл ослепленный...

А когда смог открыть их, то сильно удивился, впервые за всю шестнадцатилетнюю жизнь испытал самые разнообразные чувства, которых добивались суперумные доктора со своими терапиями, таблетками и прививками, столько лет... Шквал чувств! Удивление, любопытство, восхищение, восторг, надежда, возбуждение, изумление, блаженство и самое главное из них, затмившее другие, – очарованность... ярким волшебным светом, струившимся прямо в дыру сломанного голубого купола. Он исходил от дивной горы, пе-

реливающей зеркальными блеском, в которой отражались летающие по небу крылатые создания, похожие на ангелов, ликующие люди, обнимающиеся, словно после долгой разлуки, какие-то суровые великаны с мечами, гуляющие по городу его детства... Он направился к ней.